

АМ

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

ТВОРЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХИТЕКТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО,

ПЛАНИРОВКА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

03

03-2018

ISSN 2411-4855

**ФГБОУ ВО «ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**АРХИТЕКТУРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

№ 3 (15)

2018

Воронеж

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ № 3 2018

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-71182 от 27.09.2017

Научное периодическое издание. Воронеж. Воронежский
государственный технический университет.

Издаётся с января 2015 года

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет».

Редакционный совет

Председатель – *Колодяжный С.А.*, д-р техн. наук, профессор.

Редакционная коллегия

Енин А.Е., заслуженный архитектор РФ, канд. архитектуры, проф., ВГТУ (главный редактор);
Есаулов Г.В., заслуженный архитектор РФ, академик РААСН, д-р архитектуры, проф., МАРХИ;
Барсуков Е.М., канд. архитектуры, проф., ВГТУ; *Большаков А.Г.*, д-р архитектуры, проф.,
Иркутский технический университет; *Донцов Д.Г.*, д-р архитектуры, проф., Волгоградский ГАСУ;
Капустин П.В., канд. архитектуры, доц., ВГТУ; *Кармазин Ю.И.*, заслуженный работник высшей
школы, д-р архитектуры, проф., ВГТУ; *Колесникова Т.Н.*, профессор, д-р архитектуры, ОрелГТУ;
Азизова-Полуэктова А.Н., канд. архитектуры, ВГТУ (ответственный секретарь); *Колодяжный С.А.*,
д-р техн. наук, профессор, ВГТУ; *Леденева Г.Л.*, канд. архитектуры, проф., ТГТУ; *Мелькумов В.Н.*,
заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, профессор, ВГТУ; *Метленков Н.Ф.*, канд.
архитектуры, проф., МАРХИ; *Птичникова Г.А.*, д-р архитектуры, профессор, Волгоградский ГАСУ;
Ракова М.В., директор департамента архитектуры и градостроительства города Севастополя;
Фирсова Н.В., канд. архитектуры, д-р геогр. наук, доц., ВГТУ; *Чесноков Г.А.*, канд. архитектуры,
проф., ВГТУ; *Шубенков М.В.*, академик РААСН, д-р архитектуры, проф., МАРХИ; *Luca Zavagno* –
PhD, Assistant Professor Department of Arts, Humanities and Social Sciences Faculty of Arts and Sciences
Eastern Mediterranean University via Mersin10, Turkey Famagusta.

Выходит 4 раза в год.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 394006 г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84, ком. 1522

Тел./факс: +7(473)236-94-90, E-mail: af@vgasu.vrn.ru

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии Воронежского государственного технического
университета, 394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

© ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный технический
университет», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

- ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

П.В. Капустин К КРИТИЧЕСКОМУ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ ГЕНЕЗИСА АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПРОЕКТНОГО МЫШЛЕНИЯ.....4

В.О. Дунаева СИНТЕЗ ИСКУССТВ В АРХИТЕКТУРЕ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОРУМ.....17

П.В. Капустин, Т.И. Задворянская СРЕДА И ПРОЕКТИРОВАНИЕ: ПАРАДОКС "НЕЗАМЕЧЕННОЙ" ПРОФЕССИЕЙ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ.....26

- ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО, ПЛАНИРОВКА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ

Ю.С. Макарова, Н.В. Фирсова, Е.М. Чернявская ФОРМИРОВАНИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ АНСАМБЛЕЙ ВЫСОКОЙ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ.....41

Э.И. Щеблыкина-Монастырёва, Н.В. Фирсова ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРА В Г. ВОРОНЕЖ.....48

М.Ю. Булгакова, Е.М. Чернявская РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИРОДНОГО КАРКАСА В ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЕ ГОРОДА ВОРОНЕЖА...62

Е.И. Гурьева, В.А. Ульянкина ВОЗДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЛАНДШАФТ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЛИПЕЦК).....71

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 72.03:13:005

К КРИТИЧЕСКОМУ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ ГЕНЕЗИСА АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПРОЕКТНОГО МЫШЛЕНИЯ

П.В. Капустин

Капустин П.В., канд. архитектуры, профессор, зав. кафедрой теории и практики архитектурного проектирования, ВГТУ, Воронеж, Россия, тел.: 8 (4732) 71-54-21, e-mail: arh_project_kaf@vgasu.vrn.ru

Постановка задачи. Признавая вслед за массой социологических, культурологических, антропологических и других исследований факт кризиса идеологии Нового времени, сегодня нельзя не задаться вопросом: что делать с проектированием? Проектирование, известное нам, - дитя Нового времени, Века Модерна. Почему оно сложилось так, а не иначе, были ли возможны варианты, альтернативы его генезиса? И возможны ли они сегодня? Эти вопросы обсуждаются в статье.

Результаты и выводы. Дана характеристика сформировавшемуся в Новое время, особенно в авангарде и модернизме, типу проектного мышления и действия. Выявлены "генетические" недостатки этого типа и проанализирован их генезис в контексте исторических событий эволюции культуры и знания Нового времени.

Ключевые слова: исторический генезис проектирования, взаимоотношения архитектуры и проектирования, методология проектирования, проектность, Новое время.

Введение

Ч. Дженкс в хрестоматийной книге "Язык архитектуры постмодернизма" писал о кризисе идей Нового времени: "..Увы, эти, казалось бы, простейшие идеи, вытекающие из философских доктрин рационализма, бихевиоризма и прагматизма, оказались столь же нерациональными, как и сами эти доктрины. "Новая архитектура" как дитя Просвещения унаследовала присущие ему наивные представления – слишком грандиозные и вселяющие слишком большое почтение, чтобы их опровергать в книге, посвященной всего только строительству" [1, с. 14]. Мы пишем о "всего только" проектировании, но круг захватываемой проблематики неизбежно становится значительно более обширным.

Начало "Проекта Модерна" породило небывалые условия творчества и мышления, но в отношении, по крайней мере, архитектурного проектирования, они не были использованы во сколь-либо полной мере. Проектирование, будучи призванным решать проблемы онтологического и экзистенциального масштаба, проблемы, само появление которых стало возможно только с развёртыванием новоевропейского сознания, очень скоро оказалось служанкой поставы, отождествилось с конструкторской процедурностью, и самим словом "проектирование" стало именоваться не решение тех вопросов, которые следовало бы решать по истине (и для решения которых возникло проектирование), а служебная поставляющая процедура разработки проектно-сметной документации. Архитектура стала деятельностью по репрезентации, причём репрезентации чего угодно, но, как правило, того, чем сама она не является.

"Дефектная ведомость" нововременного проектирования

Проектирование, быстро став институтом, заботилось больше - гораздо больше - о наращивании мощи своих внедренческих приложений, нежели о развитии собственно техники проектного мышления. Социотехника заместила иные технэ, в т.ч. и техники осмысления масштаба изменений, умение встраиваться в естественные процессы, осмысления собственной темпоральной парадоксалистики, а равно и всякие вообще рефлексивные техники [2]. Это псевдорациональное проектирование, не обретя и до сих пор собственной суверенности, с первых же шагов своего развёртывания начало угрожать суверенности архитектурного опыта. Абсолютизированные композиционные средства; предметные модели, заимствованные у естественных наук, случайные техники и приёмы из древнего наследия деятельности - вот суть арсенала молодой профессии. В результате профессия получила массу нелепостей и проблем. Наши теории проектирования описывают всё, что угодно, только не проектирование, а теории творчества – всё, что угодно, но не творчество. Семиотика архитектуры занимается крайне мистифицированным делом – установлением значений в ситуации их полного распада.

Манфредо Тафури писал: "Знаменательно, что системное исследование архитектуры Просвещения оказалось в состоянии установить на чисто идеологическом уровне огромное множество противоречий, сопутствовавших в разнообразных формах ходу развития современного искусства. Превращение архитектора в идеолога общества; индивидуализация сфер права вторжения в городское планирование; убеждающая роль формы по отношению к публике и самокритическая роль формы по отношению к собственным проблемам и развитию; взаимосвязь и противопоставление на уровне формального поиска архитектурного объекта и урбанистической организации – всё это есть постоянно повторяющиеся темы "диалектики Просвещения" в архитектуре" [3, с. 209]. Мы можем теперь, после ряда исследований (см., в частности [4-8]), прибавить к "дефектной ведомости", набросанной Тафури, несколько новых и существеннейших позиций:

- деградация Утопии и торжество плоского утопизма, визионерского авантюризма и повсеместной "безместности";
- гуманитарная недоразвитость профессии;
- зависимость от предметно-дисциплинарного знания (после всех жертв на алтарь формальной "беспредметности"!); в частности – в архитектурных типах; квантование мира в заранее готовые предметы и "объекты" конвенционального сознания;
- воспитываемый и закреплённый моделированием иерархизм видения "объектов", немотивированная избирательность в их оценке и разработке;
- предпочтение "молчащих", но "выразительных" знаков и форм, поскольку культура восстановления значений и понимания смыслов оказалась утрачена;
- сохранение власти прототипов и даже образцов в самых неожиданных, в т.ч. и наиболее креативных областях практики.

Увы, перечень можно продолжить - в него попали бы все, отмеченные нами в настоящем исследовании критические аспекты сформировавшегося типа проектного мышления и действия. Но, наверно, основным является неоднозначное взаимоотношение этого типа с т.н. "рационализмом".

В тени рационализма

"Рационалистическое" мышление, подчеркивал Мартин Хайдеггер, опасно не сколько своим позитивно-утверждающим содержанием, сколько утратой *иного*, к которому оно не только безразлично, но даже и агрессивно. Но это иное, как сегодня становится понятно, является самым важным, жизненно важным для человека, его ценностей, его обитаемой среды. Хайдеггер назвал это иное рационализма *достойным мышления* – истинно, если не единственно достойным. Тот же мышление, которое носило рационально-проектный

характер и которое породило известное нам и ныне архитектурное проектирование (гибрид, способный решать свои задачи не благодаря, а вопреки собственной знаниевой и методологической структуре), обращено отнюдь не на это достойное. "Это мышление в качестве европейского мышления Нового времени, - писал Хайдеггер, - привело мир в сегодняшнюю мировую эпоху, в атомный век... Смеем ли мы, если уж дело должно обстоять таким образом, оставить на произвол судьбы это достойное мышления в угоду неистовству исключительно считающего мышления и его гигантских успехов? Или мы обязаны найти путь, на котором мышление способно было бы соответствовать... достойному мышления, вместо того, чтобы, околдованные считающим мышлением, мы прошли в мысли мимо чего-то достойного мышления?... Это – вопрос. Это – мировой вопрос мышления. В ответе на него решается, что станет с Землёй, и что станет с Dasein человека на этой Земле" [9, с. 213].

Не будет преувеличением утверждение: "иным" для рационалистического проектирования стали латентно используемые архитектурные интуиции. Стоит признать: у архитектуры с проектированием и сегодня большие проблемы. За всё Новое время оно так и не разместилось осмысленно в архитектуре, но, напротив, произошедший симбиоз ¹ весьма двусмысленно повлиял на обе стороны и в этом можно видеть причину многих неудач архитектурного проектирования в XX веке. Однако необходимо заметить: и при сформированном "рационалистическом", "модельном" и т.п. характере то проектирование, о котором мы говорим, не уставало демонстрировать странную жизненность и гибкость. Ведь оно реагировало на резкие стилистические изменения архитектуры XX столетия, оно не стало препятствием художественным поискам формы и даже поискам средовым. Правда, оно не сумело совладать с категорией "среда" (как и с городом [10]) и, напротив, с лёгкостью вступало во всевозможные альянсы и редукционистские инициативы, которыми был полон XX век. Но эпопея автоматизации проектирования, например, как и эпопея его методологизации выявили удивительную самостоятельность архитектурного проектирования как формы мышления и деятельности – по крайней мере, большую, чем ожидалось [11, 12]. Архитектурное проектирование (или архитектура – через то проектирование, которое стало для профессии "своим") проявило характер, некоторую волю к сопротивлению внешним влияниям. Самым интересным для нас здесь является то, что это – сопротивление трактовкам проектного мышления как изначально заданного алгоритмизированного перечня конечных процедур. Оказалось, что живая архитектурная проектность успела "впитать" в себя многое из столь третируемых рационалистами 1920-х и 1950-70-х гг. "традиционных методов" (не путать с "традиционным проектированием", о нём ниже) - т.е. методов, мягко говоря, не всегда инновационных и даже не проектных. Вероятно, в этом залог жизненности профессии и её успехов. Но для задач нашего критического исследования признание процессов "оестествления" в проектировании, как и способностей к компромиссам и паллиативам находится – при всей его несомненной значимости – на грани или даже за гранью предмета рассмотрения.

Реституция мифа

Проектирование едва ли не всю историю его осмысления и изучения мыслилось как действие рациональное *par excellence*. Проектирование успело стать даже синонимом целестремительности, прагматизма и позитивного знания в действии. Но при всей многословной апологии рационализма и объективного знания в архитектуре Нового времени (включая, разумеется, и XX в.), из собственно состояния "расколдовывания" ("разволшебствления мира", *Entzauberung der Welt* - термин М. Вебера), из жёсткости рефлексии не родилось ничего сколь-либо яркого и выткнутого. Не жёсткий свет разума питает архитектурную проектность, а, скорее, полумрак памяти и бессознательного, традиций и новых "околдовываний". Последние оказываются просто необходимы для порождения архитектурой новых идей и образов, и никакое "рациональное" проектирование не способно

отменить эту необходимость. Такими "околдовываниями" были и "драматический энтузиазм" французской революционной романтики, и мифология прерафаэлизма, и футуристический культ техники и времени, и многое другое. Даже функционализм не обошёлся без собственной мифологии, возведя в культ абстракцию "функции", но миф функционализма, как выразились по аналогичному поводу Л. Повель и Ж. Бержье, *был плоским* [13]. Любой рационализм оказывается в архитектуре плодотворен лишь настолько, насколько его удалось перевести в форму мифа. В какой мере этот феномен является неотъемлемым свойством архитектурного сознания, а в какой – следствием недостаточной "рациональности" или эффективности внедрённого в архитектуру (или выращенного в ней) проектного стиля мышления? И стоит ли возражать против "вечной" тенденции архитектурной мифологизации? Стоит ли, в частности, ставить в упрек пионерам "Современного движения" их непоследовательность в воплощении ими же провозглашённых постулатов? Не предстаёт ли здесь перед нами некий механизм или закон порождения образа, властная сила которого заставляет самых разных авторов осмыслять и предъявлять свои идеи, отличающиеся разнообразием и самостоятельностью, посредством однородных схематизмов?

Нам представляется верным положительный ответ. Как предстаёт здесь во весь рост и проблема нормализации работы этого механизма, ведь горький опыт Нового времени, а особенно модернизма XX столетия в достаточной степени продемонстрировал, что происходит с изначально зауженными представлениями и догмами, когда они берутся в качестве материала для нового шага проектного *mythologoimen*². "Плоский миф" – лишь очевидная часть неизбежных здесь издержек. То, что архитектурное воображение способно плодотворно работать даже с самым негодным материалом, доказал опыт работы с геометрической абстракцией или опыт сношения с предметным естественнонаучным знанием (см. [14, 15]) Речь сегодня должна, видимо, идти о двух сторонах одного процесса: о ненасильственности воображения, о его близости или родственности мифологическому сознанию, а, с другой стороны, - о культурной, социальной и всякой иной адекватности и осмысленности акта *mythologoimen*. Все грани здесь чрезвычайно тонки и трудноуловимы, а все узловые точки суть "точки ускользания", ведь сила архитектурно-строительного внедрения такова, что рано или поздно любой, даже самый неадекватный жест имеет шансы стать привычным и социально легитимным, а то и стать новой нормой – таких примеров в истории "рационального проектирования" тоже, увы, хватает. Но если мы хотим всё же выйти к осмысленному и ответственному архитектурному проектированию, нам не следует соглашаться с "логикой" оестествления и эмпирией профессионального функционирования. И, прежде всего, не стоит соглашаться с расхожим представлением о том, что проектирование – якобы самая суть рационального стиля мышления.

Нелинейность истории

Парадокс взаимоотношения науки, научного рационализма и архитектурного проектирования состоит в том, что влияние науки в значительном историческом диапазоне несомненно и велико, но попытки целенаправленного синтеза проектного умения и научного знания ради повышения эффективности и рациональности, усиленно принимавшиеся в 1960 – начале 1980 гг., не привели к существенным результатам³. Синтеза, напомним, с проектным умением, уже заметно изменённым научными методами и схематизмами мышления, уже работающего с предметными и "предметизированными" (аспектными, односторонними, идеализированными) моделями. Эта инерция известна⁴, она позволяет предположить, что архитектурное сознание сохраняет до сих пор какие-то инвариантные структуры и свойства, пока еще практически не исследованные и не выявленные (если не принимать за них общие места профессиональной грамоты, но, с другой стороны, не в этих ли "общих местах" и воспроизводятся древние способности?). Мы далеки от "мифа

неизменности архитектуры" в веках её эволюции, напротив - считаем деятельность результатом сложных и многозначных культурно-исторических процессов. К последним, видимо, и необходимо отнести указанные инвариантные структуры: их сохранение в меняющихся условиях, очевидно, обладает культурной и деятельностной необходимостью.

Однако как должна выглядеть теперь эволюция архитектурного проектирования? Схему поступательного прогресса, непрерывного наращивания проектных качеств мы отбросили изначально, ибо она не удовлетворяет и минимально реалистичному взгляду. По этой схеме, проектные качества всегда были присущи архитектурным занятиям (какие бы разнообразные формы они не принимали), а в век рационализма и в эпоху научного знания эти качества обрели новую силу и масштаб, вооружились точными методами и моделями. Причём это – история т.н. "традиционного проектирования", а рядом с ней начинается и веер новых, опирающихся на некий (слабый) импульс изначальной проектности и черпающих силу во всё возрастающих возможностях научно-технического прогресса. Именно такую картину эволюции проектирования можно было видеть в трудах теоретиков и методологов проектирования в 1960-70 гг. (укажем лишь [16, 17]). Со второй половины 1980-х гг. акценты смещаются: речь начинает идти о несостоятельности идеи обособления сферы проектирования, о цене и границах проектной воли, о ценности традиционных методов, о важности зодческого и ремесленного опыта и, с другой стороны, – о значимости рефлексии, понимания, интерпретации и сферы гуманитарного в целом во всех видах творческой работы; само же творчество из тотального и сияющего мифа, которому в начале XX в. можно было только слепо поклоняться, переходит в разряд вполне осязаемых и диверсифицированных способностей, проявится которым дают (или не дают) те самые культурно-исторические условия, или – диспозитив [12, 18 - 20]. Однако, допущение о "вечности" проектного подхода, при всём при том, сохраняется в глубине самых рафинированных различий (см., например [21])⁵.

Мы не можем принять представление о длительности и непрерывности истории проектирования. Как и творчество, оно исторически преходяще: возникнув при определённых обстоятельствах, может снова стать не необходимым или невозможным при других. Если уж сама фигура человека как персонажа знания и культурной рефлексии, как показал М. Фуко, преходяща, если представления о субъекте и объекте сформировались лишь в классической немецкой философии, если до Ф. Бэкона не существовало понятия природы – отличной от человека и предоставляющей ему поводы для познания и интерпретации; если наука и научное знание столь молоды, что способны на фундаментальные трансформации своих парадигм, происходящие на наших глазах; наконец, если спрос на новое и вкус к нему начал формироваться не раньше эпохи Возрождения (рис.), то почему проектирование – эта самая вычурная и изощрённая техника мышления и действия, существующая на тонких нюансах и на гранях возможного – должна рассматриваться как вечная человеческая способность, свободная от негатива, не способная на ошибки и не зависящая от своего исторического окружения?

Отсутствующее звено - "традиционное проектирование"

Новое способно приходить в мир многими путями, и проектирование – не самый лёгкий и не самый древний их них. Разнообразны способы существования творчества и искусства, и для многих и многих из них дисциплинарные рамки проектирования представляются чрезмерно тесными и малопривлекательными. Техническое творчество и изобретательство не конгруэнтны проектированию, проектному подходу, а в наиболее рафинированных своих реконструкциях и вовсе обнаруживают существенные расхождения с ним⁶.

Пьеро делла Франческа (предположительно). Идеальный город, ок. 1470 г. От "урбинских ведут" можно отсчитывать историю того типа воображения, которое обращено к идеальному и будущему, готово принять вызов времени и пространства, способно отвечать всё новыми и новыми решениями на не уменьшающийся поток проблем и рисков, открыто к рефлексии и творчеству.

Программирование, планирование и прогнозирование – эти и конкуренты, и помощники проектирования, до сих пор обсуждаются как ещё не вполне устоявшиеся виды деятельности (и виды ли они деятельности?), но ведь они вместе с проектированием прошли в XX столетии путь от миражей "обособления" и "осферивания" к диверсификации, специализации и объективации в новых предметных и дисциплинарных формах. Новые, "нетрадиционные" виды проектирования оказались предельно далеки от опыта архитектурного сознания, или же продемонстрировали его ограниченность и даже несостоятельность в тех контекстах, куда они его пытались втянуть ⁷. Проектирование до сих пор пребывает в непростых отношениях с архитектурой и производством вещей, и едва ли не любое серьёзное обращение к первоисточникам и фактам ещё более усложняет картину, не оставляя оснований для школьного представления о безмятежном и поступательном прогрессе. Наконец, проектность живёт отнюдь не только в сфере проектирования, не в проектных институтах и не в профессиях, привычно именуемых проектировочными ⁸.

Но если признать, что проектирование в архитектуре появилось относительно недавно, то ответ на вопрос "когда именно?" укажет на эпоху, с которой, как мы видели, связаны события кардинальных и жёстких перемен в структуре и составе архитектурной деятельности. Эти перемены широким фронтом, неспешно начинаются в Возрождении; с начала XVIII в. они ускоряются – их витки становятся всё стремительней и круче; модернизм – этот "глаз вихря" – знаменует прелом и рождение новой профессии ⁹.

На протяжении всей этой эпохи, или, по меньшей мере, её решающего отрезка – XVIII – XX вв., формирующееся архитектурное проектирование претерпевало непрекращающиеся воздействия со всех сторон, среди которых концепции науки, философии и искусства составляли наиболее мощные факторы. И воздействие их далеко от ровного и благостного осеняющего света знания, как это представлялось в начале, в XVIII в. ¹⁰. Эволюционируя чрезвычайно динамично, драматично и противоречиво, наука, философия и искусство не столько давали архитектуре некие положительные установки, сколько служили критическими и проблематизирующими факторами, подрывали её традиционную устойчивость и консервативность трансляцией своего содержания и ценностей ¹¹, и нередко использовали архитектуру как площадку для своих экспериментов. Уже одно это не оставляет возможность выделить некий "спокойный" слой или этап эволюции, который можно было бы назвать "*традиционным проектированием*", бытующим в архитектуре и искони ей присущим. Но и как идеальный объект теории такой конструкт не имеет соответствий в обобщении на сколь-либо длительном и реальном отрезке истории. Но он, безусловно, удобен и эффективен, даже креативен (*фасцинален* – способствует

генерированию суждений) – как и любой предмет научного знания. Мы также прибегали к его использованию в настоящем исследовании, что не мешает нам, тем не менее, подвернуть его критике и усомнению. "Традиционное проектирование", что бы ни понималось под этим термином (В.М. Розин, предложивший термин, называет так архитектуру и инженерию, в то время, как дизайн и градостроительство относит к "нетрадиционным" видам проектирования [19, с. 307-325]; можно также понимать под ним пресловутое "проектирование по прототипам" [22] и др.), по-видимому, слишком сильное допущение, своеобразный идефикс методологической реконструкции генезиса проектности.

Радикальный тезис: "Проектирования ещё не было!"

Где и когда существовало в этой бурной истории то проектирование, от которого мы могли бы отсчитывать шаги замещений его представлений и знаний, обновления его методов и моделей, развертывания (или, наоборот, редукции) его истин и возможностей, исследовательского прояснения (или извращения) его "сути" или его "природы"? Вся история проектирования насквозь артифицирована, в ней нет ничего "естественного", что могло бы представлять проектирование "как оно есть". И дело не в релятивизме, а в самоопределяющемся характере проектирования, имеющего, как однажды заметил В.Л. Глазычев, природу Протея. Оно вынуждено иметь дело с сильными внешними влияниями, среди которых, как мы видели, преобладают двусмысленные и, скажем так, недружественные его имманентным интенциям (если бы мы знали, в чём они состоят!). Однако оно реализует себя, в т.ч. и за счёт ассимиляции этих влияний – какой бы ценой она ни давалась, – через них, их средствами, артифицируя их в свою очередь, проникая во всё новые области. Об эволюции проектирования в архитектуре мы можем судить по рефлексивным следам – единственному, видимо, надёжному источнику фиксации состояния самоопределяющихся действительностей¹².

Коль скоро проектирование определяется своими полаганиями – тем, как мы задаём его, как концептулируем и как конститулируем, и не выявляется как "естественный" объект исследовательского созерцания, то не имеет ли вся наша критика за собою образ того проектирования, которое она стремится утвердить? Ведь определяется проектирование в рефлексии о себе потому, что оно есть реализация волевых и ценностных интенций, и чрезвычайно чутко к концептам, такие интенции выражающим. Определяется же *полностью* – не только формами понимания или нормами говорения о том, что сегодня принято именовать этим словом, но *самым своим существованием*. Но тогда, после всего нашего критического анализа, не получаем ли мы право сказать, что *проектирования ещё не было?!* Что оно только создаётся сегодня, или же, точнее, *всегда* только создаётся: с момента своего первичного осознания (мы видим это осознание у Л.Б. Альберти, но, возможно, не он был первым) до наших дней его формирование, сменяя концепты своего полагания, заимствуя такие концепты и нередко (что свойственно всему молодому) энтузиастически отождествляясь с ними, но также и находя в себе силы рефлексии своей несамотождественности, своей открытости и незавершённости, являет собою тот живой процесс, в который мы все вовлечены. И, стало быть, этот процесс и есть самая сердцевина эволюции проектирования, а в истории архитектуры – процесс его действительного развёртывания в деятельности.

Напротив, все ставшие и институционализованные формы отправления проектирования, в которых оно констатируется через нормирование своих функционарных характеристик, то есть вся та конкретно-историческая морфология проектного дела, которую обычно принимают к рассмотрению как фактический материал его истории, демонстрирует лишь мёртвую и превращённую¹³ картину использования его остановленных состояний, срезов его действительных эволюционных процессов. Всё имеет свою социологию, а уж

социально-производственного прагматизма в отношении проектного мышления было хоть отбавляй. Важно и то, что среди концептов самосознания проектного мышления концепты производственного функционирования и социальной легитимности занимали – и занимают – видное место, поскольку были необходимы для утверждения проектного типа мышления в социальных и деятельностных структурах. Но этими концептами, и уж, тем более, соответствующими им организационными структурами, не исчерпывается и даже не схватывается саморазвёртывающийся "дух" проектности и проектирования, ибо они фиксируют не само проектирование, а лишь "пустые" конструкции для его осуществления¹⁴.

Заключение

Тезис о "несуществовании" проектирования не нов - с него началась вся теория и методология "героического периода" 1960-70-х гг. в СССР и на Западе, он звучал и в ходе критической ревизии модернистской проектности в 1980-е гг. Тезис точно диагностирует ситуацию неудовлетворительности теории и/или практики - ситуацию, требующую новых парадигмальных поисков. Такая ситуация позволяет обнаружить, что конструкции пусты, а "синяя птица" виртуального духа проектности вновь ускользнула из клетки дефиниций, что означает появление новой позиции осмысления. "...И начинается внутренне *обязательный процесс выстраивания исторической модели*", – писал В.Л. Глазычев, неоднократно прошедший этот тернистый путь. "Конечно, у этого процесса нет некоего финального результата. *Процесс самоценен, а его продукт – способ уяснить, чем деятельность, ныне нами именуемая проектированием, отличалась от самое себя (и от самое ли себя?)*, что происходило и происходит с ней в разных историко-культурных средах, какие значения и какие ценности оборачиваются, перемальваются, преобразуются, включаются в себя машиной этой деятельности. Это означало, по сути дела, написание истории заново. *Всякая самоосмысляющая позиция должна написать свою историю, другого способа не существует*" [20]. Изложение картины генезиса проектного мышления и контуры его новой возможной парадигмы мы продолжим в следующей статье цикла.

Примечания:

¹ О продуктивности выявления в истории архитектуры Нового времени альянсов, симбиозов, гибридизаций, фузий, контаминаций и т.п. указывал ещё четверть века назад А.Г. Раппапорт [23]. Сегодня можно констатировать: поиск таких явлений, видимо, единственно реалистичная стратегия исследования генезиса архитектурного проектирования, в котором замещения, отождествления, а то и прямые подлоги являются едва ли не базовыми процессами.

² "Мифологического строительства" или "конструирования мифа", термин Платона (см. [24]).

³ Вероятно, объяснением этому может служить наличие *методологических функций* в ранней европейской науке, развёртываемой как новый культурный и социальный проект, связанный с формированием новой картины мира, и отсутствие таких функций в прикладном научном знании второй половины XX в.

⁴ Её, в частности, упоминают в контексте проблемы затянувшейся на века профессионализации архитектурной деятельности [18]. Изменяется ли ситуация сегодня, с развитием архитектуры "нелинейной", "дигитальной" и чрезвычайно наукоёмкой? А также в связи с определёнными изменениями места и роли архитектора в социальной структуре и в процессах проектно-строительной деятельности, с изменением самого типа архитектурного образования [25]? Нам представляется, что все эти процессы изменений лишь захватывают обсуждаемые нами проблемы вместе с обновляющимся парком моделей, и уносят их дальше,

в историческую перспективу, не решая их и, тем самым, обеспечивая их сохранение и воспроизведение в будущем.

⁵ Впрочем, вместе с ним заявляет о себе и идея *вневременных* сущностей архитектуры. Кристофер Александер писал о них уже в конце 1970-х [26].

⁶ См., например, теорию изобретательства Г.С. Альтшуллера [27].

⁷ Таково т.н. градостроительное проектирование – один из наиболее отчаянных и самонадеянных проектов века модернизма. О его кризисе сказано уже немало, достаточно указать работы В.Л. Глазычева [10, 20].

⁸ Скорее наоборот. Так и искусность, живя отнюдь не только в искусстве, в последнее время всё стремительнее его покидает.

⁹ Не вполне *рождение*, не совсем *новой*, и не до конца *профессии* – все эти оговорки известны. Скажем точнее, но длиннее: кардинальное обновление ещё не устоявшейся, находящейся к тому времени в стадии формирования основных своих структур профессиональной формы, накладываемой (или "наползавшей"), на древнейшую деятельность. Обновление ("модернизация") ускорило и усилило процессы формирования профессиональных структур, завершило их к середине XX в., но... остановило "наползание", или "снятие" древней зодческой практики. В последней многое объявлено было устаревшим, лишним, непонятным, однако, как оказалось, не всё умерло или забылось, но, напротив, вступило в неожиданные, сложные и плохо управляемые симбиозы с новым. История архитектуры XX в. полна эпизодами борьбы за новое против старого, возрождения старого и забвения нового, циклических накатов и откатов волн модернизации. Но, вероятно, сама жизнеспособность порождённой в горниле этих процессов профессии - как бы к ней ни относиться - обеспечена симбиотическим соединением того и другого.

¹⁰ Например: "Без просвещения напрасно всё старанье, - скульптура – кукольство, а живопись – маранье...", – увещевал "российских питомцев свободных художеств" – учеников Академии – Я.Б. Княжнин на рубеже 1770-80 гг. (по [28, с. 82]).

¹¹ Среди которых, напомним, были позитивизм и прогрессизм науки и техники, нигилизм и революционаризм философских учений, романтизм и субъективный волонтаризм художественных течений. Всё из этого списка сегодня вполне присуще архитектуре, и ничего из него не было известно ей до Нового времени, не могло возникнуть вследствие имманентного развития архитектуры и может быть объяснено лишь внешним влиянием.

¹² Невольное оестествление проектирования, которое у нас здесь, наверное, ощутимо, возникшее в силу фигур речи, также находит свое искупление в рефлексии: проектирование "говорит" о себе, конечно, не "само", а своими теориями и объяснительными моделями, схемами и категориями. Говорит через агентов своего саморазвития – теоретиков и методологов, критиков и рефлектирующих архитекторов. В работе [29] мы сделали попытку классификации теорий и иных форм рефлексии о проектировании именно по этому принципу. Мы намереваемся вернуться к их анализу в новой форме в готовящемся нами в настоящее время к печати издании "50 лет теории и методологии проектирования", построенного в виде достаточно обширного словаря с развёрнутыми словарными статьями.

¹³ М.К. Мамардашвили утверждал, что всё конкретно-историческое есть превращённое и случайное [30].

¹⁴ И в этом легко убедится: дискурс о проектировании в социально-производственных его "срезах", уделяя много внимания оптимизации и повышению эффективности, разработке новых средств и методов, обходит молчанием онтологию самого проектирования и, тем

более, проектного мышления. Это крайне характерно для естественнонаучного подхода в целом, а именно он и царит в этом дискурсе. Так что, к чему должно относиться все эти рекомендации и требования эффективности остаётся невыясненным.

Библиографический список

1. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. - М.: Стройиздат, 1985. - 136 с.
2. Капустин П.В. Функция и власть: формирование функционализма в сфере политического // Архитектон: известия вузов. – 2017. – №3(59). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archvuz.ru/2017_3/2
3. Тафури М. Архитектура и утопия // Методологические проблемы современного архитектуроведения. сб. науч. трудов. - М.: ВНИИТАГ, 1989. - С. 207 - 210.
4. Капустин П.В. Альтернативы Ладовского // Искусствознание. – 2011. – №№ 1-2. – С. 321 – 347.
5. Капустин П.В. Композиция и типология в эволюции архитектурного проектирования XX века // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: Воронежский ГАСУ. - 2016. - № 3 (7). - С. 15 - 23.
6. Капустин П.В. К вопросу о происхождении функциональной типологии в архитектуре // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2016. - № 4 (8). - С. 25 - 36.
7. Капустин П.В. Рождение композиции из духа живописи // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2017. - № 3 (11). - С. 4 - 13.
8. Капустин П.В. Между молчанием знаков и гулом языка. Судьба архитектурного концептуализма // Архитектура и строительство России. - 2018. - № 1 (225). - С. 46 - 53.
9. Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты. – СПб.: Алетейя, 2000. – 290 с.
10. Глазычев В.Л. Урбанистика. – М.: Издательство "Европа", 2008. – 220 с.
11. Никитин В. А. Архитектура и методология // Вопросы методологии. - 1991. - № 1. - С. 38 - 43.
12. Раппапорт А.Г. Границы проектирования // Вопросы методологии. – 1991. - № 1. - С. 19 - 38. <http://www.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569413&fl=5&sl=1>
13. Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. Посвящение в фантастический реализм. - Киев: София, 1994. - 480 с.
14. Капустин П.В. Проектность абстракции // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: Воронежский ГАСУ. - 2016. - № 2 (6). - С. 37- 46.
15. Капустин П.В. К критическому анализу категории "функция" в архитектурно-проектном мышлении и деятельности // Современные проблемы строительной науки [Электронный ресурс] : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 8-10 февраля 2017 г. - Электрон. текстовые дан. - Липецк: Изд-во Липецкого государственного технического университета, 2017. - С. 232 - 237.
16. Сладков Д.В., Карпов С. В. Организация архитектурно-градостроительного проектирования / ЦНТИ по гражданскому строит. и архит. Обзорная информ. - Вып. 10. - М., 1985. – 48 с.
17. Джонс Дж. Кр. Методы проектирования. М.: Мир, 1986. – 326 с.
18. Глазычев, В.Л. Эволюция творчества в архитектуре / В.Л. Глазычев. - М.: Стройиздат, 1986. - 496 с.
19. Розин В.М. Философия техники. От египетских пирамид до виртуальных реальностей. – М.: Nota Bene, 2001. – 456 с.
20. Глазычев, В.Л. Эволюция проектирования. Лекция 2 / В.Л. Глазычев / Режим доступа: http://www.glazychev.ru/courses/projecting_2001/shkp_projecting_13-07-2001.htm

21. Генисаретский О.И. Лекция "Философия проектирования". Режим доступа: <http://www.method.krasnoyarsk.rcde.ru/getblob.asp?id=300000197>.
22. Раппапорт А.Г. Проектирование без прототипов // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). - М.: Стройиздат, 1975. - С. 299 - 392. http://papardes.blogspot.ru/2009/08/blog-post_7059.html
23. Раппапорт А.Г. К вопросу о смысле и перспективах развития архитектуроведения // Методологические проблемы современного архитектуроведения. сб. науч. трудов. - М.: ВНИИТАГ, 1989. - С. 3 - 39.
24. Тахо-Годи А. А. Миф у Платона как действительное и воображаемое // Платон и его эпоха. - М.: Наука, 1979. - С. 58 - 82.
25. Кияненко К.В., Анисимов Ю.В., Анисимова Л.В., Белоярская И.К. Стратегические ориентиры развития высшего архитектурного образования. - Вологда: ВоГТУ, 2002. - 59 с.
26. Alexander С. The timeless way of building, Oxford Un. Pr., 1979. - 551 p.
27. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. Теория решения изобретательских задач. - М.: Советское радио, 197 - 116 с.
28. Евсина Н.А. Архитектурная теория в России второй половины XVIII - начала XIX века. - М.: Наука, 1985. - 255 с.
29. Капустин П.В. Проектное мышление и архитектурное сознание. Критическое введение в онтологию и феноменологию архитектурного проектирования (монография). - Saarbrucken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. - 252 с.
30. Мамардашвили М.К. Начало всегда исторично, т.е. случайно // Вопросы методологии. - 1991. - № 1. - С. 44 - 53.

Bibliography list

1. Jenks Ch. The Language of Post-Modern Architecture. - М.: Stroyizdat, 1985. - 136 p.
2. Kapustin P.V. Function and Power: the formation of functionalism in the political sphere // Architecton: Proceedings of Higher Education. - 2017. - No. 3 (59) [Electronic resource]. - Access mode: http://archvuz.ru/2017_3/2
3. Tafuri M. Architecture and Utopia // Methodological problems of modern architecture studies. Proceedings of sci. works. - М.: All-Union Research Institute of Theory of Architecture and Urban Planning, 1989. - pp 207 - 210.
4. Kapustin P.V. Ladovsky's Alternatives // Iskusstvoznanie (Art Studies). - 2011. - №№ 1-2. - pp 321 - 34.
5. Kapustin P.V. Composition and Typology in the Evolution of Architectural Designing of XX century // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE. - 2016. - № 3 (7). - pp 15 - 23.
6. Kapustin P.V. On the Origin of Functional Typology in Architecture // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE. - 2016. - № 4 (8). - pp 25 - 36.
7. Kapustin P.V. The Birth of a Composition from the Spirit of Painting // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2017. - No. 3 (11). - pp 4 - 13.
8. Kapustin P.V. Between Silence of Signs and Hum of Language. The Fate of Architectural Conceptualism // Architecture and Construction of Russia. - 2018. - No. 1 (225). - pp 46 - 53.
9. Heidegger M. Provision on the Grounds. Articles and fragments. - St. Petersburg: Aleteya, 2000. - 290 p.
10. Glazychev V.L. Urbanistics. - М.: Publishing House "Europe", 2008. - 220 p.
11. Nikitin V.A. Architecture and Methodology // Problems of Methodology. - 1991. - No. 1. - pp 38 - 43.
12. Rappaport A.G. Boundaries of Designing // Problems of Methodology. - 1991. - No. 1. -

pp 19 - 38. <http://www.archi.ru/lib/publication.html?id=1850569413&fl=5&sl=1>

13. Pauwels L., Bergier J. The Morning of the Magicians. Initiation into fantastic realism. - Kiev: Sofia, 1994. - 480 p.

14. Kapustin P.V. The Project Quality of Abstraction // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE. - № 2 (6). - pp 37- 46.

15. Kapustin P.V. To the critical analysis of the category "function" in architectural and designing thinking and activity // Contemporary problems of building science [Electronic resource]: collection of articles. sci. tr. Intern. scientific-practical. Conf., February 8-10, 2017 - Electron. text dan. - Lipetsk: Publishing house of the Lipetsk State Technical University, 2017. - pp 232 - 237.

16. Sladkov D.V., Karpov S.V. Organization of architectural and town-planning designing / TsNTI in civil engineering and the architecture. Survey information. - Iss. 10. - M., 1985. - 48 p.

17. Jones J.C. Design Methods. Seeds of Human Futures. - M.: Mir, 1986. - 326 p.

18. Glazychev V.L. The Evolution of Creativity in Architecture. - M.: Stroyizdat, 1986. - 496 p.

19. Rozin V.M. Design Methodology in Russia // Rozin V.M. Philosophy of Technology. From the Egyptian pyramids to the virtual reality. - M.: Nota Bene, 2001. - pp 305 - 325.

20. Glazychev V.L. Evolution of design. Lecture 2 [Electronic resource]. - Access mode: http://www.glazychev.ru/courses/projecting_2001/shkp_projecting_13-07-2001.htm

21. Genisaretsky O.I. Lecture "Philosophy of Designing" [Electronic resource]. - Access mode: <http://method.krasnoyarsk.rcde.ru/getblob.asp?id=300000197>.

22. Rappaport A.G. Designing without Prototypes // Development and Implementation of Automated Systems in the Designing (theory and methodology). - M.: Stroyizdat, 1975. - pp 299 - 392. Access: http://papardes.blogspot.ru/2009/08/blog-post_7059.html

23. Rappaport A.G. To the question of the sense and prospects of the development of architecture studies // Methodological problems of modern architecture studies. Proceedings of sci. works. - M.: All-Union Research Institute of Theory of Architecture and Urban Planning, 1989. - pp 3 - 39.

24. Taho-Godi A.A. Plato's Myth as real and imaginary // Plato and his era. - M.: Nauka (Science), 1979. - pp 58 - 82.

25. Kiyanenko K.V., Anisimov Yu.V., Anisimova L.V., Beloyarskaya I.K. Strategic Guidelines for the Development of Higher Architectural Education. - Vologda: VSTU, 2002. - 59 p.

26. Alexander C. The timeless way of building, Oxford Un. Pr., 1979. - 551 p.

27. Altshuller G.S. Creativity as an exact science. Theory of inventive problem solving. - M.: Soviet Radio, 1979. - 116 p.

28. Evsina N.A. Architectural theory in Russia in the second half of the eighteenth and early nineteenth centuries. - M.: Nauka (Science), 1985. - 255 p.

29. Kapustin P.V. Design Thinking and Architectural Consciousness. Critical introduction to Ontology and Phenomenology of Architectural Designing (monograph). - Saarbrucken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. - 252 p.

30. Mamardashvili M.K. The beginning is always historical, i.e. randomly // Problems of Methodology. - 1991. - No. 1. - pp 44 - 53.

TO CRITICAL RETHINKING OF ARCHITECTURAL DESIGNING GENESIS: ON THE HISTORY OF PROJECT THINKING

P.V. Kapustin

Kapustin P.V., Dept. of Theory and Practice of Architectural Designing, Ph.D in Architecture, Prof., Head of Dept., VSTU, Voronezh, Russia, ph. 8 (4732) 71-54-21 e-mail: arh_project_kaf@vgasu.vrn.ru

Background. Recognizing, following a mass of sociological, culturological, anthropological and other studies, the fact of the crisis of modern ideology today, one can not help but wonder: what to do with designing? Design, known to us, is a child of the Age of Modernity. Why did it develop this way, and not otherwise, were there options, alternatives to its genesis? And are they possible today? These issues are discussed in the article.

Results and conclusions. A characteristic of the type of project thinking and action that was formed in modern times, especially in the vanguard and modernism is given. "Genetic" deficiencies of this type are revealed and their genesis is analyzed in the context of historical events of the evolution of culture and knowledge of the Modernity.

Keywords: the historical genesis of the designing, the relationship of architecture and designing, design methodology, the project quality ("designness"), Modernity.

СИНТЕЗ ИСКУССТВ В АРХИТЕКТУРЕ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОРУМ

В.О. Дунаева

Дунаева В.О., магистрант программы "Актуальные направления теории и практики архитектуры", кафедра теории и практики архитектурного проектирования, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел.: 8 (473) 2 71 54 21, e-mail: arh_project_kaf@vgasu.vrn.ru

Постановка задачи. Раскрытие особенностей синтеза литературы и архитектуры, как двух совершенных видов искусств. Создание творческой концепции Литературного форума, объединяющей мифосимволические аспекты архитектуры со средствами синтеза искусств. **Результаты и выводы.** Определены уровни взаимодействия литературы и архитектуры. Синтез искусств, являясь современным компонентом архитектуры, имеет важное значение в становлении и определении значимости знаковой архитектуры. Литературный форум может стать новым этапом в развитии жизни города.

Ключевые слова: синтез, диалог, поэзия, искусство, метафора, литература, архитектура, форум.

Введение

Существует множество определений понятия "синтеза искусств". В словаре А.М. Кантора "Аполлон", приводится следующее определение: "Синтез искусств - органичное соединение разных искусств или видов искусства в художественное целое, которое эстетически организует материальную и духовную среду бытия человека...".

В синтезе архитектуры и изобразительных искусств ведущую роль занимает архитектура, которая способна организовывать пространства и является основой любого ансамбля или отдельного произведения. Архитектура в значительной мере определяет место, идейную направленность, масштаб, технику исполнения и общие принципы композиции скульптуры, живописи, элементов декоративно-прикладного искусства, являющихся компонентами органического решения общей художественной задачи. Искусство может выступать в синтезе с архитектурой в различных сочетаниях.

Синтез искусств в архитектуре

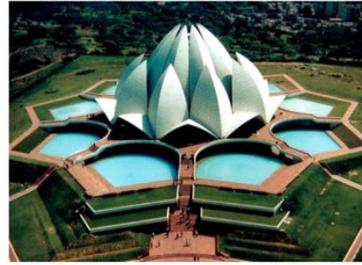
Каждое искусство тяготеет к обособленности, но любое из искусств, достигая совершенства, не способно отразить всю суть действительности, и только в совокупности можно достичь желаемого результата. Подлинный синтез искусств является высшей формой художественного развития, так как подразумевает не только эстетическое совершенство отдельных составляющих его компонентов, но и эстетическое качество, возникающее в результате художественного взаимодействия этих произведений. Синтез может осуществляться на разных уровнях: внутри определенного вида искусства (рис. 1) и между различными видами искусств.

В синтезе искусств есть как положительные, так и отрицательные моменты. Сам синтез искусств подразумевает слияние нескольких различных видов искусств, которые в совокупности создают более сильную основу для творчества. Но слияние может привести и к некоторым проблемам: один вид искусства может преобладать над другими, ставя их в подчинённое положение, или же за счёт высокой концентрации выразительных средств можно превысить пределы перцептивной адаптации человека.

СКУЛЬПТУРНАЯ МОНУМЕНТАЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТУРЫ

Сиднейский оперный театр,
Йорн Утзон

Храм Лотоса (Нью-Дели, Индия)
архитектор Фариборз Сахва

Музей современного искусства (Нитерой, Бразилия),
архитектор Оскар Нимейер

Торгово-развлекательный комплекс «Хан Шатыр»
(Астана, Казахстан), архитектор Норман Фостер

СКУЛЬПТУРА

ПЛАСТИКА, ГАРМОНИЯ, ЦЕЛОСТНОСТЬ,
ЭМОЦИИ, ДУША

Библиотека Луи Нюсера (Ницца, Франция)
архитекторы Ив Байяр и Франсис Шапо

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИНТЕЗА РОЖДАЕТСЯ НА СТЫКЕ СКУЛЬПТУРНОЙ ПЛАСТИКИ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ГРАФИКИ.

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ РАСКРЫВАЕТСЯ В МНОГООБРАЗИИ ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ И ОБРАЗА АРХИТЕКТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

Рис. 1. Скульптурная монументальность архитектуры

Интеграционная многослойность содержит "ген коммуникативности", рождающий диалог, а архитектурно-художественный синтез становится его средством: архитектора-автора и адресата (реального или потенциального); архитекторов различных школ, направлений, убеждений; архитектурных объектов в городском пространстве. Разработана

систематизация (структура) архитектурно-художественного синтеза как средства многомерного диалога.

1. Синтез на основе традиции (тектоника, ордерная система) (рис. 2).
2. Синтез на основе знака (концепция театрализации [1], литературный контекст).
3. Синтез на основе концепции игры (социальная привлекательность архитектуры, создание позитивного эмоционального фона).
4. Синтез в аспекте архитектурной модернизации (актуализация функции, современные технологии строительства) [2].

«АРХАИЧЕСКИЙ МИФ АРХИТЕКТУРЫ»

Дом с химерами (Киев, Украина)
Владислав Городецкий

Нарвские триумфальные ворота (Санкт-Петербург, Россия)
скульпторы: С. С. Пименов, В. И. Демут-Малиновский, П. К. Клодт, И. Леппе
архитектор В. П. Стасов

АРХАИЧЕСКИЙ МИФ
АРХИТЕКТУРЫ

ВРЕМЯ, ИСТОРИЯ, ВЕЛИЧИЕ,
ЛЕГЕНДА

АРХИТЕКТУРНЫЙ АРХАИЧЕСКИЙ МИФ СПОСОБЕН ВЫЗВАТЬ АФФЕКТ, КОТОРЫЙ ПОЛНОСТЬЮ ЗАСЛОНЯЕТ РЕАЛЬНОСТЬ, ПОГРУЖАЯ СОЗНАНИЕ В НЕКУЮ МИФИЧЕСКУЮ ЛЕГЕНДУ. ТАКЖЕ СПОСОБЕН ПРИДАТЬ ВОСПРИЯТИЮ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА АРХАИЧЕСКОЕ В Ы Р А Ж Е Н И Е П У Т Е М ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИСТОРИЧЕСКИМ ОБРАЗОМ, ДАВАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ СИНТЕЗУ ПРОШЛОМУ И НАСТОЯЩЕМУ, ЛИЧНОМУ И КОЛЛЕКТИВНОМУ, ТИПИЧЕСКОМУ И УНИКАЛЬНОМУ.

Рис. 2. Архаический миф архитектуры

Синтез искусств предполагает такое взаимодействие видов искусств, при котором каждый из компонентов, выступая с определенной степенью самостоятельности, приобретает новые "поэтические" качества, относящиеся равно к его форме и содержанию (рис. 3). Воплощение общего идейно-художественного замысла средствами архитектуры, живописи и скульптуры приводит к синтезу искусств. Г.П. Степанов, делая акцент на живописи, скульптуре и архитектуре, которые находятся в родстве вследствие

принадлежности к статичным видам искусства, приходит к убеждению, что "взаимосвязь средств художественной выразительности, направленных к раскрытию различных сторон единого содержания, многократно увеличивает силу эстетического воздействия искусства" (по [3]).

Другой аспект современного толкования термина синтеза искусств вызван изменением содержания категории "монументальность": теперь сюда включают разного рода движущиеся композиции (мобили), "легкие" каркасные конструкции, динамические рекламные панно и т.п., что требует пересмотра ряда положений теории синтеза искусств. Сегодня становится все очевиднее, что синтез искусств есть прежде всего создание единой целостной композиции, воплощающей художественный образ за счет слияния в нем образов, создаваемых каждым из видов искусства своими собственными средствами. Причем именно композиция и служит признаком возникновения ансамбля. Особенно это важно для предметных и средовых ансамблей в архитектуре, где зачастую соседствуют весьма разноречивые по исходным свойствам слагаемые.

«ПОЭЗИЯ» АРХИТЕКТУРЫ

Степан Липгарт

Степан Липгарт

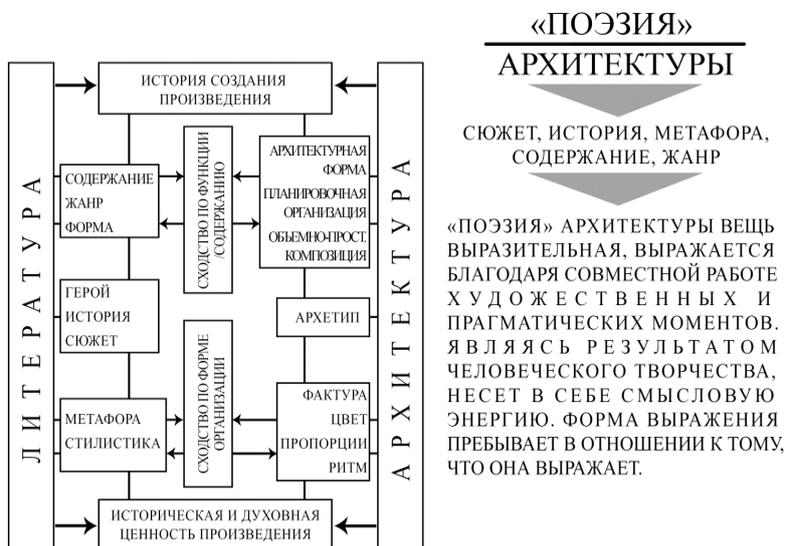

Рис. 3. "Поэзия" архитектурной синтетической формы

Синтез искусств связывает отдельные его виды не только композиционно, но и на более высоком уровне взаимодействия - стилевом и концептуальном. Процесс проектирования всегда протекает в контексте конкретной исторической культуры, что определяет и содержательные, и формальные взаимовлияния разных видов искусства. На мировоззренческую основу каждого вида как бы накладываются общие принципы

пространственного, пластического и цветоцветового формообразования. Поэтому гармонизация форм элементов ансамбля, в том числе по стилистическому признаку, – одно из важнейших средств синтеза искусств [4]. В периоды отказа от стилей и от самой категории "стиль" появляются замещающие концепции, как, например, концепция *пространства* у Н.А. Ладовского, который выдвинул архитектурное пространство в качестве основы взаимодействия различных художественных практик [5]. Н.А. Ладовский считал, что в исторических стилях синтез осуществляется "естественно" (поэтому, утверждал он, изучение истории нас ничему не научит), в то время, как перед новой архитектурой стоит задача сознательного управления синтезом пространственных форм в проектном процессе (к сожалению, опыты Ладовского не получили развития в теоретико-проектировочном аспекте [5, 6], а категория "пространство" не оправдала возложенных на неё надежд [7]). Стоит отметить, что в XX в. выросло количество искусств и способов их взаимодействия, что ставит принципиально новые вопросы перед теорией и практикой. Так, киноискусство и литература добавляют в такие синтезы, остро интересовавшие уже мастеров Баухауза и ВХУТЕМАСа, динамический, временной аспект.

Казалось бы, литература как временной вид искусства очень далека от архитектуры, но, на самом деле их внутренние связи достаточно глубоки. Это легко проследить не только на уровне художественного метода или стиля, общего для нескольких видов искусств, например, монументальный стиль в древнерусской архитектуре и литературе, но и тяготении литературы к архитектурной композиции, архитектурно-пространственному видению мира. Смысловое единство искусств обращается к интуиции, чем помогает преодолевать ограничения жёстких дискурсивных средств и моделей [8].

Архитектура наглядно демонстрирует главные принципы искусства - единство формы и содержания. Кроме того, красота и гармония в ней непременно сочетается с практической целесообразностью, то есть одновременно архитектура имеет эстетическое и прикладное значение. Архитектура использует эмблематику, символику, которая заимствуется из литературного творчества [9].

Литературный форум

В отличие от зрелищных искусств, архитектура воспринимается, не эпизодически и не избирательно, а повседневно, предполагает умеренность ее экспрессивной интенсивности. Постоянное воздействие архитектуры предполагает, что порог ее эмоционального воздействия должен быть ниже, чем в музыке, литературе или кино. С этим, вероятно, связана и особая функция архитектуры в системе культуры в целом, отличающая ее от других искусств, действующих эпизодически [10].

На сегодня, в нашем понимании слово "форум" имеет несколько значений.

Форум-мероприятие. В этом случае форумом называется не место проведения, а само мероприятие, которое является тематическим и имеет определенные временные рамки.

Веб-форум. Наверное, сейчас самый распространенный вид форума, который служит некой площадкой для организации интернет-общения. Темы могут быть самыми разными, что зависит лишь от организатора.

Самое первое значение этого слова имеет древнеримское происхождение. Так в древнеримском градостроительстве называли определенную типологию, а именно – площадь. Центральную городскую площадь, где проходила городская жизнь.

Сейчас существует тенденция "давать имена" сооружениям: Итальянский форум, Форум Инглвуд, Монреаль-Форум, Гримальди форум. Но не всегда существует связь между тем, как назвали здание с тем, что происходит внутри его.

Такие слова как "музей" и "форум" известны всем, даже школьникам, но в разных контекстах и смыслах. От слова "музей" у нас сразу возникают такие ассоциации: школа, экскурсия, экспонат, поездка, история, картина, выставка, археология и галерея. А вот от слова "форум" возникают совершенно другие ассоциации: сообщество, общение, тема, клуб, точка сборки, тематика, семинар, кинофестиваль, свобода, коллективный разум, интернет, пароль, интеграция и мероприятие. В целом, смысл двух этих разных понятий весьма схож, разница в том, что музей является сосредоточием знаний эпохи, в нем собраны знания предыдущих лет. А форум, это то место, где на основе тех самых знаний создается нечто новое, формируется сознание новой эпохи (рис. 4).

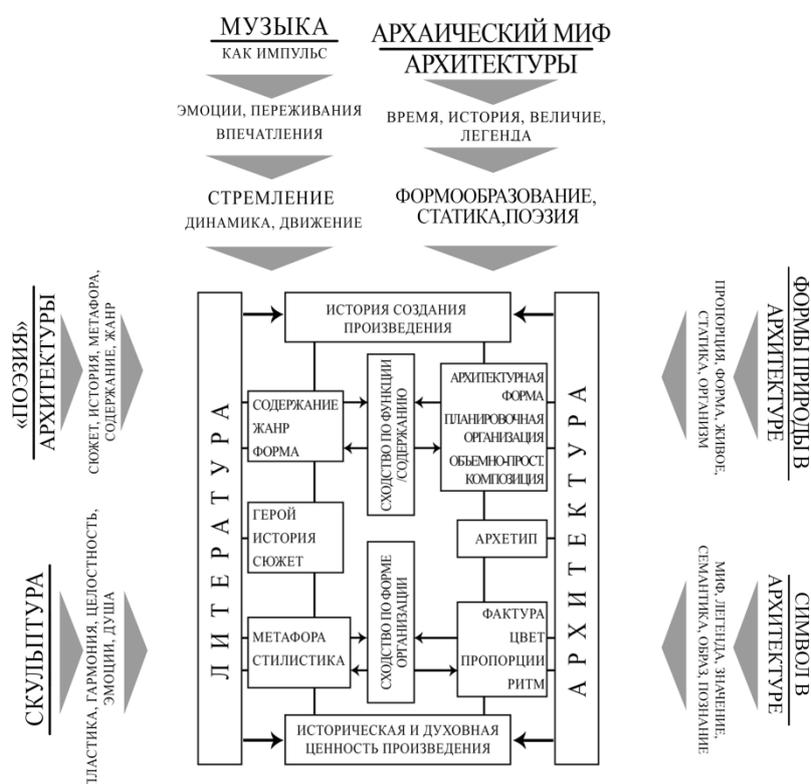

Рис. 4. Концепция Литературного форума

Главное отличие между форумом и музеем заключается в их главных целях. Основными целями создания музеев, является, хранение музейных коллекций и предметов, выявление и собиание музейных предметов, их публикация. Осуществление просветительской и образовательной деятельности все чаще отходит на второй план, так как в большей мере деятельность музея направлена на развитие научных сотрудников. Музей осуществляет три основные функции: исследование, учительство и деятельность. Первые две категории предполагают в итоге воссоздание истории и культуры прошлых эпох, а также участие музея в образовании и просвещении. Деятельность форума направлена не на воссоздание прошлого, а на создание будущего, тем самым главными участниками являются обычные люди, горожане, а не работники форума. Форум существует для тех людей, которых интересует живое общение с людьми разных профессий, стран и религий.

Выводы

Синтез искусств является высшей формой художественного развития, т. к. подразумевает не только эстетическое совершенство составляющих его компонентов, но и эстетическое качество, возникающее в результате художественного взаимодействия этих произведений.

Синтез искусств позволяет на основе сочетания специфических средств выразительности и образных возможностей различных видов искусства достичь наиболее полного воплощения и раскрытия идейно-художественного содержания ансамбля и его активного воздействия на человека. Поэтому основой подлинного синтеза искусств всегда была и остается целостность идейного замысла.

Архитектурный объект в ключе "Архитектура-Литература" можно метафорически трактовать как "букву" пространственного "текста", при построении которого используются аналогии.

Литературную составляющую архитектуры можно рассмотреть, как область символов и знаков, объединенных системой смысловых и ассоциативных связей. Функционально литературный аспект объекта реализуется авторской концепцией.

Архитектурные пространства, будучи сами по себе материальными объектами, имея свои смысловые и эмоциональные миры, начинают "функционировать" с момента возникновения художественного переживания объекта.

Архитектурные пространства наполняются для нас значениями только благодаря тому, что мы "способны обнаружить в них выражение душевных переживаний (чувств). Непроизвольно мы одушевляем каждый предмет. Это древний инстинкт человека, который обусловлен мифологической фантазией [11, 12].

Библиографический список

1. Лесневска Р.В., Капустин П.В. Поиски средств индивидуации архитектуры и среды: событийность и театрализация в концепциях 1960-70-х гг. / Р.В. Лесневска, П.В. Капустин // Русистика без границ (Болгария) (Russian studies without borders). – 2018. – №1. – С. 46 - 59.
2. Дущев М.В. Концепция художественной интеграции в новейшей архитектуре. - Нижний Новгород.: ННГАСУ, 2013. - 388 с.
3. Уваров В.Д. Проблема эстетической организации предметно-пространственной среды интерьера. Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2016. т. 1. № 2.
4. Кулененок В.В. Архитектура и дизайн: синтез искусств как основа построения целостно-структурированной среды. История и Современные тенденции. Вестник ПГУ. 2011. Серия F.
5. Капустин П.В. Альтернативы Ладовского // Искусствознание. – 2011. – №№ 1-2. – С. 321 – 347.
6. Капустин П.В., Кармазин Ю.И. Теории проектирования и проблема композиционного мышления // Композиционная подготовка в современном архитектурно-художественном образовании. М-лы Всероссийской научно-методич. конфер. (статьи и доклады) / Под ред. А.А. Старикова и В.И. Иовлева. – Екатеринбург: Архитектон, 2003. – С. 39 - 45.

7. Капустин П.В. Пространственность и субстанциальность в архитектуре и проектировании // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: Воронежский ГАСУ. - № 3 (3). - 2015. - С. 4 - 12.
8. Капустин П.В. Интуиция и модель. Мышление архитектора от ремесла к профессии // Вопросы теории архитектуры: Архитектура в диалоге с человеком / Сост., отв. ред. И.А. Добрицына. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 305 – 314.
9. Доманский В.А. Литература и культура. – Томск: Томский государственный университет, 2002. - 688 с.
10. Забельшанский Г. Б, Минервин Г. Б, Раппапорт А. Г, Сомов Г. Ю. Архитектура и эмоциональный мир человека. – М.: Стройиздат, 1985. - 208 с.
11. Капустин П.В. Знак и символ в архитектурном проектировании. – Воронеж: ВГАСУ, 2008. – 128 с.
12. Степанов А.В., Иванова Г.И., Нечаев Н.Н. Архитектура и психология. - М.: Стройиздат, 1993. - 295 с.

Bibliography list

1. Lesnevskaya R.V., Kapustin P.V. The search for means of individuation of architecture and environment: eventuality and theatricalization in the concepts of the 1960-70s. / R.V. Lesnevskaya, P.V. Kapustin // Russian Studies Without Borders (Bulgaria). - 2018. - №1. - pp 46 - 59.
2. Dutsev M.V. The concept of artistic integration in the latest architecture. - Nizhni Novgorod: NNGASU, 2013. - 388 p.
3. Uvarov V.D. The problem of aesthetic organization of the object-spatial environment of the interior. Decorative art and the subject-spatial environment. Bulletin of MGHPA. 2016. Vol. 1. No. 2.
4. Kulenenok V.V. Architecture and design: the synthesis of the arts as the basis for building an integrated structured environment. History and Modern Trends. Bulletin of PSU. 2011. Series F.
5. Kapustin P.V. Ladovsky's Alternatives // Iskusstvoznanie (Art Studies). - 2011. - №№ 1-2. - pp 321 - 34.
6. Kapustin P.V., Karmazin Yu.I. Theory of designing and the problem of compositional thinking // Compositional Training in Modern Architectural and Artistic Education. Material of the All-Russian scientific-methodical conf. (articles and reports) / Ed. A.A. Starikov and V.I. Iovlev. - Ekaterinburg: Architecton, 2003. - pp 39-45.
7. Kapustin P.V. Spatiality and substantiality in the architecture and designing // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE. - № 3 (3). - 2015. - pp 4 - 12.
8. Kapustin P.V. Intuition and Model. Architect's Thinking from Craft to a Profession // Problems in the Theory of Architecture: Architecture in a Dialogue with the Person / Comp., Ed. I.A. Dobritsyna. - M.: LENAND, 2013. - pp 305 - 314.
9. Domansky V.A. Literature and culture. Tomsk : Tomsk State University, 2002. - 688 p.
10. Zabelshansky G.B., Minervin G.B., Rappaport A.G., Somov G.Yu. Architecture and the Emotional World of Man. - M.: Stroiiizdat, 1985. - 208 p.
11. Kapustin P.V. Signs and Symbols in Architectural Designing. - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE, 2008. - 128 p.
12. Stepanov A.V., Ivanova G.I., Nechaev N.N. Architecture and Psychology. - Moscow: Stroiiizdat, 1993. - 295 p.

SYNTHESIS OF ARTS IN ARCHITECTURE. LITERARY FORUM

V.O. Dunaeva

V.O. Dunaeva, Dept. of Theory and Practice of Architectural Designing, master's degree program "Topical areas of theory and practice of architecture" Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia, ph. 8 (473) 2 71 54 21, e-mail: arh_project_kaf@ygasu.vrn.ru

Problem statement. To reveal the features of the synthesis of literature and architecture, as two perfect arts. Creating a creative concept of the Literary Forum.

Results and conclusions. The levels of interaction between literature and architecture are determined. Synthesis of the arts, being a modern component of architecture, is of great importance in the development and determination of the significance of the iconic architecture. The literary forum can become a new stage in the development of the life of the city.

Keywords: synthesis, dialogue, poetry, art, metaphor, literature, architecture, forum.

СРЕДА И ПРОЕКТИРОВАНИЕ: ПАРАДОКС "НЕЗАМЕЧЕННОЙ" ПРОФЕССИЕЙ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ

П.В. Капустин, Т.И. Задворянская

Капустин П.В., канд. архитектуры, профессор, зав. кафедрой теории и практики архитектурного проектирования, ВГТУ, Воронеж, Россия, тел.: 8 (473) 2 71-54-21, e-mail: arh_project_kaf@vgasu.vrn.ru

Задворянская Т.И., канд. архитектуры, доцент, ВГТУ, Воронеж, Россия, тел.: 8 (473) 2 71-54-21, e-mail: arh_project_kaf@vgasu.vrn.ru

Постановка задачи. Может ли осмысленная и ответственная деятельность не замечать разрывов в поле собственных понятий и категорий? Как показывает методологический анализ архитектурного проектирования - может, хотя у такой позиции - вольной или невольной - есть свои пределы. Каковы эти пределы? Как получилось, что категории "проектирование" и "среда", принадлежащие различным интеллектуальным традициям, совместились в нынешних архитектуре, дизайне и урбанизме? И в чём суть обозначенной оппозиции, каковы угрозы от игнорирования её? В статье делается попытка дать ответы на эти вопросы.

Результаты и выводы. Показано, что продолжая не замечать противостояние проектных и средовых установок, интенций, методов и пр., профессия проигрывает дважды: теряет ресурсы остроактуальной трансформации проектирования и проходит мимо новых для неё, не освоенных ею возможностей средового действия. Подробно проанализирована совокупность понятий и категорий, связанных с обсуждаемой проблематикой, показана принципиальная значимость их разработки для дальнейшего развития теории, практики и образования в архитектуре.

Ключевые слова: естественное, искусственное, "кентавр-объект", городская среда, проектирование, знание, "тело без органов", объективация, смыслы и значения в архитектуре и среде.

Введение

Категория городской среды относится к наиболее парадоксальным категориям современного знания. Не принадлежа ни одной отдельно взятой научной дисциплине, она стремится связать многие из них единством таящейся за ней интуиции. Не удивительно, что на владение категорией среды сегодня претендуют многие виды знания, но едва ли не в каждом из них среда с лёгкостью подвергается таким метаморфозам, которые нельзя признать естественными, органичными её внутренней природе и которые вопиюще противоречат интуиции целого. Но науки легко пренебрегают интуициями в пользу объективированных конструктов. Исключением, увы, не стала и архитектурно-градостроительная наука, так и не сумевшая совладать с собственным критическим самосознанием и претворить рефлексивные формы средового подхода в свои практико-методические знания без утраты глубины содержания и живости чувства.

То же и с проектированием – классические концепции его строились не только по образцу естественнонаучного знания, но и на идее администрирования, что фатальным образом сказалось на содержании, если угодно, осмысленности, "духовности" (сиречь *бездуховности*, см. [1]) того проектирования, которое оказалось таким способом порождено.

От этой конфигурации проектирования элита профессии во второй половине XX в. метнулась в сторону феноменов духа, обнаружимых в среде, лелеемых там, но, к несчастью, обернувшихся Альтер-Эго всего известного до сих пор проектирования. Два ведущих концепта со второй половины XX в. и до нашего времени плохо соотносятся между собою. Это обстоятельство задаёт целый класс задач на развитие методологии проектирования, на смену самой парадигмы проектирования. Такая смена происходит в последние десятилетия, но этот тяжкий труд ещё далёк от завершения. Но профессия в целом, кажется просто не заметила противоречие: искусственность категории "среда" оказалась забыта, привычно отождествлена со всем природным и естественным, а иллюзия имения дел с нею позволяет не ставить под сомнение методологию и инструментальность проектирования, не столько обновленного мнимым "обращением к среде", сколько окончательно повисшего в пустоте своих безопорных конструкций как только оно оказалось в новых для себя социальных, технологических, политических, интеллектуальных и прочих контекстах существования. Зубовный скрежет этих конструкций слышен сегодня, пожалуй, только методологам и критически настроенным теоретикам. Но кризисные тенденции неуклонно нарастают. Наступила пора начинать разбор образовавшихся в эпистемологической сфере профессии завалов.

Оестествление и артификация

В онтологии естественного / искусственного (далее Е/И), значимой для методологической традиции и фундаментальной для проектирования, категориальная оппозиция Е/И если не смягчается, то усложняется переходами - от естественного к искусственному, от искусственного к естественному. Собственно, всё дело именно в переходах или разного рода промежуточных состояниях, или же, на худой конец, состояниях релятивистской оценки. Оестествление - один из таких переходов, "перелаз" из мира Искусственного в мир Естественного.

За счёт чего возможен этот переход? Прежде всего - за счёт привыкания к некогда искусственному, ставшему обычным и повседневным. То ли время, то ли субъективность привычки решает тут всё: самолёт, пишет М.В. Рац [2], он теперь только для инженера искусственный ("И") объект, а остальные пассажиры давно воспринимают его в качестве естественного ("Е"), привычного и обыденного объекта. Самолёт, стало быть, оестествился. И теперь его, естественного, можно взять в новый оборот *артификации* - для задач модернизации, реконструкции, редизайна, маркетинга и пр. Так получают всякого рода *"кентавр-объекты"* (у кентавра "искусственный", человеческий верх и "естественный", животный низ): И-Е, И-Е-И, Е-И-Е-И т.д. [2 - 4] А, поскольку всё оестествлённое есть лишь *квазиестественное*, то есть "подобное естественному", "похожее на природное", но уже переставшее таковым быть по сути (так, например, Хуанхэ задолго до н.э. перестала быть природной рекой, см.: <http://lenta.ru/articles/2014/06/24/china/>), то гораздо полезнее для успеха действий с "кентавром" акцентировать внимание именно на его *искусственности*, удерживая во внимании и ту роль, которую он играет в нашем сознании и деятельности в качестве репрезентанта естественного. В современном мире нет "чистых" искусственных и чистых естественных объектов и явлений - самое инновационное и креативное действие опирается на опыт и прототипы, часто скрытые; никакое природное явление уже не свободно от участия человека и техники (что проявилось, например, в смене парадигмы "охраны природы" на парадигму экологической инженерии техноприродных систем).

Среда - концепт, предполагающий квазиестественное отношение к своим объектам, и своеобразная "антипроектная" идеология, требующая скорейшего вхождения артефактов в естество среды. Как это обеспечить? На уровне метафоры предлагалось, в частности, мыслить некоторые "крючочки", которыми следует оснастить объект для его лучшего

контакта со средой. Видимо, в отличие от лишённых цвета, гладких построек модернизма или скользких "блобов" трансмодернизма, такие "шершавые" и крючковатые артефакты должны цепляться за среду или контекст (уже названный *тканью*), вгрызаться в него, подобно насекомым, откладывая личинки и мимикрировать под окружение. Для проектирования любая метафора может оказаться плодотворной, однако за этой ошутима, по крайней мере, утрата простоты взгляда, глубокое забвение того естественного и непринуждённого, как дыхание, действия, продукты которого, как и их актор, неотрывно принадлежали определённой среде. Мы так далеко забрались в искусственное, что для обеспечения оестествления нам нужны особые искусственно-технические ухищрения. И это так: задача на оестествление - искусственная (или уже сверхъискусственная) задача, как бы ни были локальны контексты и скромны объёмы; в этом её парадоксальность (противоположная ей задача тоже парадоксальна - это сверхъестественная задача на тотальную артификацию мира, которую ставило перед собой модернистское проектирование) (рис. 1 - 3).

С другой стороны, такие ухищрения проходят уже как бы поверх повседневного горизонта наших искусственных действий, о котором можно теперь сказать, что и он оестествился в деятельности. Что такое оестествившееся (как деятельность) проектирование? Как случилось, что самая мощная артифицирующая сила эпохи прогресса вдруг остановилась в развитии, вошла в привычку и стала клепать что-то плохо сообразное среде, истории, обществу и всем прочим видам "контекста", но удобное ей самой? Обычно утверждают: она порождает новое "И", нужное людям. В это можно было бы поверить и принять, если бы сие случалось от случая к случаю. Но какой смысл в непрерывном потоке "И", если порождается оно оестествлённой машиной, ведь ожидалось прямо противоположное: генерация за счёт особого искусства новых индивидуальных артефактов, как минимум близких к естественному, не конфликтных ему. Утратив саму возможность быть любой и меняться, проектировочная деятельность пытается согласовать две различные квазиестественные природы, вошедшие в конфликт в её структуре.

Очевидно, что "крючочками" и прочей искусственной шершавостью дела не решить, пусть бы речь и шла о таких добротных архитектурных приёмах, как цитирование, масштабная соотнесённость, ритмометрическое соответствие, цветовая гармония и прочее. (Это - в архитектурном проектировании. А что остаётся делать проектированию системному, инженерному или организационному? Не оттого ли в этих видах проектирования не возникло своего "средового движения"? А ведь отправляющееся в них проектирование отнюдь не безусловно, что становится всё виднее). Дело, видимо, в природе вещей. С распространённой точки зрения, искусственное и естественное отличаются строением. Причём, по умолчанию предполагается, что строение искусственного гораздо проще естественного и легче достижимо в воспроизводстве и производстве. И искусственное, не по природе возникшее, в самом деле, вот уже без малого три тысячи лет маркируется как вторичное - положение дел не меняет ни форсированный прогресс, ни модернизи, ни проектирование.

Рис. 1. Мы иллюстрируем статью фотографиями г. Гурзуф, Крым, точнее даже одного его уголка - замечательным примером оестествлённой, обжитой, человеческой и привлекательной среды. И очень индивидуальной. Среда бывает различной, но непременным условием её возникновения выступают исторические наслоения, разнообразие устремлений и позиций, подлинность пережитых в этом месте чувств - всё это невозможно сымитировать в одномоментном творческом акте

Конвенция также требует считать, что естественное ближе к реальности, если не сама реальность. Во всяком случае, естественное предпочтительнее. Известно, что вектор предпочтений не раз менялся, а волны моды не раз захлёстывали то "Е", то "И" "с головой": от руссоистского "следования природе" до модернистских атак на "природно-прекрасное"; от европейского отвращения ко всему естественному на рубеже XIX - XX вв. до сегодняшнего скепсиса ко всему искусственному (кроме самых-самых высоких технологий, в чём можно усмотреть инфантилизм нашей эпохи), до моды на хенд-мейд. Однако при всём при том онтологический авторитет "Е" сохраняется с античности донныне.

Но есть и прямо противоположная традиция, к ней, видимо, принадлежит и проектирование. Это традиция антинатурализма. Согласно ей, всё натурально данное или представляющееся натуральным - ложно.

Рис. 2. Существует мнение, что лучшая среда возникает без участия архитекторов и дизайнеров (или почти без их участия). По крайней мере, в формировании живой среды мало востребованы пресловутое "единство замысла" и неуклонная реализация авторской воли

Традиция богата и почтенна возрастом (что могло бы составить предмет новой историографии проектирования, привычно испытывающего комплекс неполноценности по поводу своей молодости и якобы нетрадиционности); в ней множество различных объяснительных принципов и разнообразных онтологем - от Покрывала Изиды до принципа деятельности, от майи до совершенной рефлексии, прорывающей покровы майи. К реальности надо прорываться, гласит эта традиция, прорываться на пределе усилий мышления и воображения. В то время, как всякое Е - приманка, соблазняющая лёгкостью констатации очевидного наличия. Трансцендентализм, утраченный дизайном (на что справедливо обращает внимание А.Г. Раппапорт), присущ этой традиции в полной мере, а утрата его дизайном (и, отчасти, современной архитектурой - в меру её втянутости в дизайнерские дискурсы) должна быть отнесена ко всё тому же комплексу неполноценности проектирования, обречённого своей эпохой выглядеть моложаво и позитивно во что бы то ни стало. Проектирование долго стремилось так выглядеть, несмотря на то, что часто выглядело глуповато. Оно прикидывалось наукой и новым искусством ("искусством технического века"), методикой решения проблем и принятия решений, не обращая внимания на то, что со всеми этими задачами справляется как микроскоп с забиванием гвоздей. Проектирование - изящнейшая трансцендентальная техника. В истине своей (сиречь в проектно же овозможимой потенци своей) проектирование есть техника (не технология) имени дел с реальностью. Мало что в человеческом мире имеет дело с реальностью, но проектирование - одно из немногих исключений. Под оестествлением чаще всего имеют в виду именно

вхождение проектных артефактов в реальность, и у проектирования, в самом деле, здесь приоритет. Наука за счёт инженерии вводит в реальность огромное число артефактов, но проблема их оестествления остра: они скорее артифицируют реальность, причём артифицируют неуправляемо и бессмысленно, нещадно эксплуатируя наши способности воображения и привыкания (это - "классическая" тема критической методологии и логики науки на Западе, в т.ч. у Поля Фейерабенда). Проектирование - техника артификации, несомненно, но её возможности намного превосходят возможности художественного красивого жеста или научной спекуляции; это ещё и техника управления оестествлением. Всё дело в переходах, или, точнее, в индуцируемых ими энергиях: ведь реальность, судя по всему, расположена по ту сторону естественного и искусственного.

Что такое "городская среда"?

Среда - искусственно созданная стратегия интерпретации естественных феноменов городской жизнедеятельности. Такие феномены просто не попадают в категориально-понятийные "сети" рационального и инновационно ориентированного проектирования, а работать с ними необходимо. Поэтому концепт городской среды появляется на схемах с "экранами", в разнообразии эпистемологических и деятельностных проекций, на т.н. схемах-конфигураторах (см., например, в В.Л. Глазычева [5]). Среда - это не то, что можно увидеть, гуляя по городу; среда - это не "содержание", не "наполнение" городского пространства, и не его синоним. Среда - это специфический инструмент понимания и рефлексии, позволяющий увидеть сам феномен в отстранении от всех прочих несессеров инструментов какой бы то ни было профессии и от всяческих парков внедренческих "машин", навязывающих свою логику и язык. Идея городской среды родилась из необходимости выстроить альтернативу предметно-дисциплинарной разобщённости в работе с городом [5], прежде всего - альтернативу "рационалистическому оптимизму" модернистского проектирования, потерявшего в своём "развитом" состоянии к 1960-70-м годам все виды чуткости к контекстам и смыслам, из необходимости обозначения границ распространения такого проектирования и утверждения существования Иного - того, что этому проектированию принципиально неподвластно. Поэтому "городская среда" - вовсе не натуралистический образ, но - по крайней мере изначально - тонкий и сложный концепт, разработанный "в холодном мире методологических абстракций" (В.Л. Глазычев). Но его миссия - репрезентация городской жизни, её естественности и спонтанности; ценностное осмысление полиморфизма, гетерогенности и мультивалентности (Ч. Дженкс) реального предметно-пространственного окружения. Напомним: с обязательным сохранением свободы от отождествления своего видения, своей онтологии с любыми научно-предметными и/или профессиональными точками зрения, способами интерпретации и средствами действия (см. об этом, например [6]), и особенно - с проектировочными специальностями. Репрезентации его адресованы также нетрадиционным типам практики - комплексным, междисциплинарным исследованиям; герменевтическим практикам постижения средовых феноменов; экспериментальным "распредмеченным" видам проектной работы (игротехническим, прежде всего); социальному проектированию, практике общественного взаимодействия, партиципации. С этими задачами концепт "городской среды" вполне справился и справляется сегодня (если не редуцировать его к странным гибридам вроде "архитектурной среды" или "градостроительной среды", лишь только тешащих профессиональное самолюбие, но не обладающий никакой инструментальностью и убивающих всякий смысл, см. об этом [7]). Среди "кентавров", концепт городской среды - самый изысканный и парадоксально организованный (продолжая метафору - он подобен симбиозу хрупкой девушки и лани на картинах Александра Тышлера; не случайно у Тышлера эти существа несут на себе города).

Поэтому оппозиция среды и проектирования имеет место, ведь "городская среда", как не без горечи заметил В.Л. Глазычев, так и осталась скорее метафорой, соответствующее ей "средовое проектирование" так и не было построено, как бы ни было популярно это словосочетание в нашей профессиональной и околопрофессиональной прессе (увы, слова у нас есть, а с понятиями обстоит гораздо хуже). Но оппозиция среды и проектирования не может трактоваться как противопоставление естественного искусственному. Картина сложнее: перед нами столкновение двух различных инструментально-методологических концептов, каждый из которых обладает своей техничностью и своими отношениями со всякого рода естественностью, с различными *природами* (ведь природа давно перестала существовать в единственном числе) - битва "*кентавров*"¹.

К среде (*городской среде*, разумеется, но "городская среда" - плеоназм, поскольку негородских сред не существует) нет смысла применять метафору органичности или организмичности: среда - совсем не организм (это город может быть описан как организм); среда - это то, что Делёз и Гваттари назвали "тело без органов" [8, 9]. Для функциональных интерпретаций нужны органы, органика, провоцирующая соответствующий труд; так, профессиональное архитектурное зрение различает в городе типы зданий, обеспеченность ими, инфраструктурную оснащённость и массу других вещей, трактуя видимое в механической (механицистской) или органической (организмической) метафорах, разница между которыми состоит в допускаемой степени самоорганизации связей и отношений. Такой взгляд сводит всё, что видит, к тому, что знает; он раскладывает по "полочкам" типологий и классификаций выделяемые им "объекты", а то, что полочки не имеет - игнорируется. Он почти автоматически выдаёт суждения о качестве и количестве, о потребных действиях, призванных привести видимое к эталонам. Средовое же видение стремится вынести такие суждения "за скобки" (ср. *феноменологическое epoché* Э. Гуссерля) и увидеть индивидуальную самость среды - *этой-вот-среды*, всякий раз определённой и конкретной. Вопросы о возможных действиях изымаются из акта восприятия, оценочные суждения сознательно гасятся. Такая техника восприятия позволяет видеть иначе, замечать уникальное, обнаруживать неявные связи и латентные целостности.

Поэтому как концепт городской среды, так и культивируемые им видение и тип дискурса, не имеют ничего общего с унификацией и обезличиванием. Среда, будучи вместилищем разного: разных людей, идей, мнений, вещей, форм, стилей и пр., как ничто иное способствует *самоопределению и индивидуации*. И среда *рефлексивна* - она не видна вне рефлексии, она сама есть форма рефлексии, живет на пересечении различных рефлексивных конструкций, а вовсе не бессознательна, автоматична и т.п. Ведь в современной рефлексивной культуре уже и *повседневность* - это рефлексивный и искусственный концепт! [10].

Описываемый нами "инструментальный" смысл концепта среды² позволяет скептически относиться к оценкам, справедливость которых кажется на первый взгляд правдоподобной. Так, А.Г. Раппапорт не столь давно отождествил идею городской среды со стилистикой мещанства [11]. Наверняка, здесь произошла очередная редукция, из числа тех, что постоянно случаются с концептом среды, а именно: на передний план, в качестве заместителя концепта выступила некая вполне опознаваемая стилистическая (или, скорее, псевдостилистическая) конструкция, известная в различных жанрах художественного и литературного дискурса. Эта конструкция часто сопровождает "средовое сознание", иногда как бы иллюстрирует его (так, в 1980-е гг. она проявилась в т.н. "*стиле детских грёз*", широко обсуждающемся на страницах журнала "Декоративное искусство СССР"); для неё характерны эклектизм, историзм, любовь к деталям и мелочам, поэтика вещи, чувственность и "теплота" отношения к миру, отказ от ансамблевости, тяготение к многопредметным композициям, ассамбляжам, коллажам, "полям"... Она помогала эстетически освоить близкий "средовому подходу" комплекс образов, маркировала известную формальную *моду*.

Но насколько она релевантна концепту городской среды - вопрос открытый. Это вопрос о сведении многообразия в очередной "стиль" - ведь именно стили обладают качествами опознаваемости (тождественности), обезличивания, обобщения и унификации, они позволяют ослабить рефлексию и понимание ("расслабиться", как то предполагает пресловутое мещанское самоощущение). Но среда как категория несводима к категории "стиль", в средах сосуществует множество стилей, само состояние среды расположено по ту сторону всяких стилистических выборов и предпочтений.

И, наконец, несколько слов о "качестве городской среды", в т.ч. о её *комфортности*. Концепт среды не позволяет доверять всяким "квалити" - качественным оценкам. Квалиметрия - явление рынка, в т.ч. и консультационного, развивающегося сегодня темпами, намного опережающими развитие интеллектуального обеспечения таких занятий. Среда не бывает комфортной или дискомфортной: она или есть, и тогда она опознаётся *своей* на симпатическом уровне, без экспликаций, нормативных оценок и сопоставлений с избранными кем-то и для каких-то целей образцами (как правило - идеализированными); или же её нет, а вместе с этим нет и качеств. Категория качества к городской среде неприменима. Среда - феномен, а феномены преодолевают субъект-объектную дихотомию, т.е. в среде нет отдельно - "субъекта", отдельно - "объектов". Качества среды неотчуждаемы, а поэтому оценивать как что-то внешнее городскую среду может только тот, кто в ней не обитает, кто к ней безразличен. Но он оценивает уже не среду, а что-то совсем другое: "пространство", его благоустройство - оснащённость и обеспеченность благами и пр. сугубо бюрократические фикции. Он может взять нормы, сверить с ними наличие, пригласить архитекторов и дизайнеров для восполнения нормативной недостаточности и т.п. (или даже - в особо продвинутых случаях - собрать мнения и пожелания жителей), - но состоявшаяся, увы, привычка называть всё это "проектированием комфортной среды" или заботой о средовых качествах выражает лишь общую недоразвитость языка и метода устойчивых практик работы с городом.

Проектность среды

Городская среда существует в живом восприятии города (правда, не всегда данным непосредственно, но в организованном *присутствии*), в формах понимания города (которые даются трудным постижением его *индивидуальности*) и в действиях с городом (но не всяких, а воспроизводящих и развивающих его сообщества, их ценности и ресурсы). Эта субъективная привязка конститутивна для среды, в отличие от города, поскольку именно она обеспечивает основную миссию среды - смыслопорождение, а смыслы субъективны. Среда - ни что иное, как совокупность интенциональных "экранов", непрерывно соотносящих между собою различные сущности и различные существования. Смыслы рождаются в интерпретации, а интерпретация вплетена в деятельность, мышление, восприятие. Смыслопорождение есть выражение способа обживания "мертвого" предметно-пространственного окружения и тем самым создания собственно среды - как жизненного мира, наполненного значениями и смыслами, как образожизненного единства - фундамента человеческой самоидентичности. Городская среда своей "естественной" составляющей обучает ситуациям и нормам соотношения знания с городской морфологией, за счет чего знание (историческое, культурное, нормативно-поведенческое и др.) обретает смысл, персонифицируется. В процессе жизни - совокупности средовых "актов - состояний" (М.К. Мамардашвили) происходит закрепление персонализированных смыслов на их связке с очевидно "объективной" морфологией и объективным планом культурных значений, а человек, носитель этих смыслов, в рефлексии факта такой связки обретает себя как самоидентичность в отличие от простой идентификации с историческим или другим "книжным" знанием. В этом заключается *проектность городской среды* - высвобождение

экзистенциальной творческой силы из-под власти внешних (и всегда исторически преходящих) знаков.

Рис. 3. Субстанциальность и подлинность среды являются феноменами, но не целями, достижимыми непосредственным дизайн-усилием. Дизайн и дизайн всё ещё не встретились в мире человеческих практик, ведь наши дизайны по большей мере эксплуатируют эффект *отсутствия* - они отсылают нас к страницам гламурных журналов, но вовсе не к уникальному "вот-здесь-бытию". Работа же с феноменами требует чуткости, наблюдательности, эстетической непрядвзятости и рефлексивного управления интенциональностью

Проектность городской среды обеспечивает преемственность (воспроизводимость в поколениях) культурных значений места, и она же питает естественную и ненасильственную инноватику городской культуры (инкультурацию), воспроизводя её традиции и ритуалы; она открывает возможность встречи с самым редким и ценным среди феноменов сего дня - с *подлинностью* [12].

Что делать проектированию с этой проектностью? И какому проектированию? Модернистскому рационально-целевому делать с ней нечего, оттого оно и не замечает никаких естественных или *квазиестественных* проектностей; смыслы же его не интересуют вовсе. Модернистское проектирование считает себя достаточным для осуществления всех процессов и циклов, ранее находящихся в ведении случая, природы или Господа Бога. Сегодня же оно напоминает детскую механическую игрушку, претендующую на роль модели Вселенной, с той только разницей, что интенции игрушки живут в воображении ребёнка, а установки модернистских моделей не по-детски форматируют пространство обитания миллионов людей, навязывая механистические онтологемы. В таких условиях проектность среды извращается, поскольку образ мира, предъявленный городом, редуцирован, множественность элиминирована, культуросообразные новации оказываются в дефиците. Город отчуждается от горожан [13]. На место проектности среды приходит её противоположность - натуралистичность городской морфологии. С последней шутки плохи, эта дама очень дурного нрава, она бьет ваш взгляд о шершавые стены домов, сводит лицом с

выбоинами в асфальте, упирает ваши глаза в кучи мусора... Реакция на такое отношение уже сугубо поведенческая и аффективная.

Проектирование, желающее быть культуросообразным, напротив, может многому научиться у проектности городской среды. Оттого в арсенал средств такого проектирования необходимо входят приёмы "погружения" в среду, вчувствования и хайдеггерианского "вслушивания", техники выстраивания провокаций собственным стереотипам ради обретения ситуативного взгляда, ради прикосновения к *Dasein* - от многословия психодрейфа до молчания феноменологического эпохе.

Проектность культуры

Готовность рассматривать всё, любые типы объектов, в парадигме процессов, более того - в парадигме деятельности, всякое существование интерпретировать как развёртывание, а всякое существительное - как глагол (Р.Б. Фуллер: "Я - это глагол") характерна для современной проектной культуры. Но не всякая деятельность проектна, и не всякий глагол утвердителен и креативен. Увидеть не просто активность, но проектность - в качестве проектной готовности или сообразности - особая способность актуального проектировщика, прежде всего в архитектуре, урбанистике, дизайне и, разумеется, в социальном проектировании. Проектность культуры - концепт, в известном смысле противостоящий нормативным концепциям культуры, по которым культура есть хранилище норм, а проектирование противостоит ей как сила активная, способная пересматривать нормы, переоценивать ценности и создавать принципиально новые. Здесь же культура сама есть действующая сила, порождающая в своих недрах новое. О.И. Генисаретский пишет: "Кроме связей проектирования с культурой, опосредованных институционализированной проектной культурой, налицо еще и собственная, глубинная проектность культуры, реализующаяся, с одной стороны, в процессах проецирования содержания одних "экранов", "сцен" и "экспозиций" культуры на другие; а с другой, - в порождении различных образов возможных жизненных миров, подлежащих оценке на ценностную значимость и обитаемость... В некоторых разновидностях проектной деятельности, таких как инженерное проектирование, и в некоторых методологиях, например, в методологии системного проектирования, собственная проектность культуры игнорируется как незначительная или, если и признается мировоззренчески, то не подвергается концептуализации и не прорабатывается методологически. Напротив, для проектирования культурно-экологического, проектный потенциал наличной, самобытствующей культуры (и подпитывающий его процесс инкультурации) является первичной креативной реальностью и нуждается в явной концептуализации" [14].

Таким образом, проектность культуры - феномен вполне определённой интенциональности; это действительность взгляда, направленного на обнаружение проектосообразных ценностей, уже вступивших или потенциально готовых вступить в процессы собственного развёртывания. Сказать это легко, но увидеть такое непросто, а в ряде случаев и очень непросто. Однако вне такого видения современное проектирование невозможно. Идеология культурной политики, например, немыслима вне способности таким именно образом видеть культурные институты и сообщества: если же видеть их как объекты потребления ресурсов, как монады в структурированном поле фактичностей, то проектирования уже не получится - можно сразу же переходить к планированию дотаций, внедрению готовых решений и подобным мероприятиям из арсенала административно-бюрократического конструирования. И, напротив, понятая и принятая в качестве первичной проектосообразной содержательной интенции - первичной в отношении проектной воли инстанции, принимающей решения - собственная проектность культурных форм,

институций, сообществ, коммуникативных площадок, et cetera способна лечь в основу долговременных позитивных, культурно-, эколого-, социо-, историко-сообразных решений.

Стратегии проектной работы в рамках принятия тезиса о проектности культуры разнообразны, в т.ч. и парадоксальны. Для культурных форм с агрессивной и разрушительной проектностью такой стратегией будет сдерживание и рассеяние, а не обычные форсирование и аккумуляция. Для движущихся к самобытности, но не обретающих в полноте свой образ - стратегия порождения образа, достраивания его полноты. Для форм консервативных, полагающих, что неизменность традиций избавит их от необходимости входа в развитие - стратегия конструирования ценностей. Для пребывающих в вечном поиске идентичности - поставка готовых миров "под ключ" (ср. [15]), для всех остальных - вечная проблематизация ложных форм идентификации. Достаточно очевидно, что всё это намного превышает операциональные возможности известного сегодня, устоявшегося и профессионализированного проектирования (см. также [16]). Так что, вместе с обновлением, расширением парадигмы проектирования есть смысл продолжать заниматься собственно средовыми практиками ³, не спеша при этом отождествлять их с нормированным профессиональным действием. В конце концов, плодотворность "умудрённого неведения" со времён Николая Кузанского никто не отменил. Видимо, для формирования подлинного "средового проектирования" требуется движение в обоих встречных направлениях.

Заключение

Известный тезис об управлении гласит: управлять можно только тем, что развивается. Попытки руководить якобы пассивными, безликими и мертвыми телами, подобными жертвам героев де Сада, как и попытки проектировать за них их будущее - самая суть модернистской ментальности. Утрируя, можно сказать: проектировать можно только то, что само обладает проектностью. Тогда проектирование становится тем, чем оно и является по природе - техникой управленческого, интеллектуального, экспертного сопровождения процессов индивидуации - подлинного измерения того, что обычно и называется развитием. Не продавливание идеалов, не осуществление надмирных сущностей, не обеспечение нормативными благами - эти конфигурации проектного уже остаются в прошлом, но "выращивание" уникального, индивидуального, существующего здесь и теперь, в присутствии на Месте и во Времени как субстанциях проектной мысли нового, актуального сегодня и в будущем формата.

Примечания:

¹ В работах, направленных на восстановление архитектурой её исконных ценностей и компетенций, что становится сегодня чрезвычайно актуально, не стоит забывать, что и Среда, и Проектирование во второй половине XX столетия выступали идеями, противостоящими Архитектуре, активно уводящими от неё исследовательский, теоретический, концептуальный интерес, см. об этом в [17].

² Ещё раз подчеркнём назначение этой инструментальности: она не для оснащения известных на момент возникновения концепта видов архитектурного, градостроительного и даже дизайнерского проектирования ("даже" потому, что работы Сенежской студии или итальянского "Нового дизайна" оказали большое влияние на средовые представления). Она - для развёртывания новых практик, дополнительных к профессионализму, альтернативных ему и способных обогатить его. Среда не укладывается в предметные редукции профессионализма, в ней больше одного процесса, она гетерархична, она *внемодельна* (моделирование как рациональный метод может работать только с иерархическими системами, в которых можно выделить один процесс - так строится естественнонаучное знание, так родился функционализм [18]). Уже из этого видно, что среда не может быть

архитектурной, как не может она быть дизайнерской или инженерной, или профессиональной, специальной, дисциплинарной, предметной, комплексной или объективированной. Концепт среды был изобретён как раз для того, чтобы избежать отождествлений со всем этим - с миром знаний и деятельности, восходящим к методологическим авантюрам Нового времени. Среда не может быть *объектом* проекта или исследования уже потому, что отсутствует объектная область, ей соответствующая. Такая область возможна, но её надо специально и целенаправленно строить, что проделано пока лишь в очень малом числе хрестоматийных работ, да и то на начальных стадиях. Поэтому расширяющееся употребление слова "среда", да ещё и с несвойственными ему эпитетами, не способствует росту осмысленности втянутых в этот процесс занятий: рано или поздно онтологическое зияние скажется на их результатах.

² Отмеченное в предыдущем примечании обогащение профессиональных видов проектной деятельности со стороны концепта среды не стоит переоценивать, хотя имеет место и оно. Архитектурное проектирование, например, осваивая идею среды, успело за прошедшие три десятка лет стать богаче, гибче и чувствительней. Альтернативные практики также возникли и энергично развиваются сегодня, в т.ч. и под "зонтиком" "новой урбанистики". Однако фундаментальные проблемы обновления проектных практик всё ещё не решены, здесь требуется немало масштабных программ и инициатив, обсуждать которые надо специально. Отметим лишь вопрос о техниках мышления и действия, обновление которых - ближайшая и относительно доступная задача, в т.ч. и в рамках высшего образования (см., например [19]). Акцент на герменевтических аспектах, внимание к символическому, к мифопоэтике, формирование способности к средовой эмпатии, воображению и пр. - задачи, вполне достижимые уже сегодня. И у этого направления большие перспективы. Так, О.И. Генисаретский настаивает на необходимости освоения на новом семиотическом материале фигур символической (ценностной) рациональности и эффективности, способных заместить привычные, но порядком дискредитированные фигуры целевой рациональности и эффективности: "... Иначе, куда бы мы ни выходили, куда бы ни заглядывали, какие бы практики - художественные, гуманитарные или религиозные - ни намеривались дидактически освоить, мы все равно задним ходом будем соскальзывать туда, где мы любые практики умеем мыслить как рациональные и эффективные, то есть к дискурсам знаково-овеществленного, предметного типа. А наши познавательные экспедиции в гуманитарные области будут заканчиваться стыдливым отступлением" [20, с. 54].

Библиографический список

1. Кармазин Ю.И., Капустин П.В. Проектный подход к духовным качествам предметной среды // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. - 2017. - № 1(367). - С. 290 - 294.
2. Рац М.В. Что такое экология или как спасти природу (взгляд методолога). – М.: Касталь, 1993. – 180 с.
3. Генисаретский О.И. "Искусственные" и "естественные" системы // Вопросы методологии. - 1995. - № 1 - 2
4. Щедровицкий Г.П. "Естественное" и "искусственное" в социотехнических системах // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Школа Культурной политики, 1995. С. 437 - 448.
5. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. - М.: Наука, 1984. – 179 с. Режим доступа: http://www.glazychev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog.htm

6. Каганов Г.З. О статусе архитектурных знаний // Стратегия развития научных исследований в области архитектуры и градостроительства: М-лы научно-методического семинара. - М.,1989. - С. 22 - 25.
7. Капустин П.В., Филимонова В.В. Опыт поиска "архитектурной среды" в городской среде города Воронеж // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2017. - № 1 (9). - С. 16 - 30.
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
9. Можейко М.А. Тело без органов // Новейший философский словарь. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 1030 –1032.
10. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. - Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. - 332 с.
11. Раппапорт А.Г. Перекрёсток и судьба (27.02.2018) // "Башня и Лабиринт", Блог А.Г. Раппапорта [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://papardes.blogspot.com/#!/2018/02/blog-post_91.html
12. Капустин П.В. Ориентиры развития архитектурного образования и деятельности: важнейшие категории // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: Воронежский ГАСУ. - № 2 (2). - 2015. - С. 4 - 12.
13. Капустин П.В. Культурная идентичность и феномен отчуждения городской среды // Капустин П.В. Опыты о природе проектирования (монография). – Воронеж: ВГАСУ, 2009. – С. 157 - 164.
14. Генисаретский О.И. Поворот в культурно-экологическом дискурсе: от экологической метафоры культуры – к креативной антропологии и автопоэзису // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. - Вып. 8. - М., 2001. - Режим доступа: <http://prometa.ru/olegen/publications/46/print>
15. Капустин П.В. Миметический дизайн // Архитектура и строительство России. - 2017. - № 4 (224). - С. 114 - 115. - Режим доступа: <http://www.asrmag.ru/4-2017/Tesaurus-ilovepdf-compressed.pdf>
16. Капустин П.В., Кармазин Ю.И., Семёнова Н.В. Кризис парадигмы "проектной деятельности" и будущее архитектуры // Актуальные проблемы архитектуры, градостроительства и дизайна: теория, практика, образование: материалы Междунар. науч. конф. в рамках XXVII Международного смотра-конкурса по архитектуре, дизайну и искусству. Волгоград, 23-29. 09. 2018 г. - Волгоград: ВолГАСУ, 2018 (*принято в печать*).
17. Капустин П.В. "Антиархитектура" – Проектирование – Среда: "Отсутствующее" и его отражения // Вопросы теории архитектуры. Архитектура: современный опыт профессиональной саморефлексии. Сб. науч. тр. и докладов на Девятых и Десятых Иконниковских чтениях / Сост., отв. ред. И.А. Добрицына. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – С. 52 - 57.
18. Капустин П.В. Функция и власть: формирование функционализма в сфере политического. [Электронный ресурс] / П.В. Капустин // Архитектон: известия вузов. – 2017. – №3(59). – Режим доступа: http://archvuz.ru/2017_3/2
19. Капустин П.В., Задворянская Т.И., Соловец Е.В., Козлов А.Г. Задачи и формы социально ориентированного архитектурного проектирования // Архитектурные исследования. Научный журнал. - Воронеж: ВГТУ. - 2017. - № 2 (10). - С. 40 - 48.
20. Генисаретский О.И. Воображаемая предметность и воображаемая деятельность: к педагогике воображения // Кентавр. – № 24 (ноябрь 2000г.). – С. 53 – 58.

Bibliography list

1. Karmazin Yu.I., Kapustin P.V. Project Approach to the Spiritual Qualities of the Subject Environment // Proceedings of Higher Education. Technology of the textile industry. - 2017. - No. 1 (367). - pp 290 - 294.
2. Rats M.V. What is ecology or how to save nature (a methodologist's view). - M.: Kastal, 1993. - 180 p.
3. Genisaretsky O.I. "Artificial" and "natural" systems // Problems of Methodology. - 1995. - No. 1 - 2 - pp 52 - 62.
4. Schedrovitsky G.P. "Natural" and "artificial" in sociotechnical systems // Shchedrovitsky G.P. Selected works. M.: School of Cultural Policy, 1995. - pp 437 - 448.
5. Glazychev V.L. Socio-Ecological Interpretation of the Urban Environment - M.: Nauka (Science), 1984. - 179 p. [Electronic resource]. Access: http://www.glazychev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog.htm
6. Kaganov G.Z. On the status of architectural knowledge // Strategy for the development of scientific research in the field of architecture and urban planning: Proceedings of the scientific and methodological seminar. - M., 1989. - pp 22 - 25.
7. Kapustin P.V., Filimonova V.V. Experience in the search for an "architectural environment" in the Urban Environment of the City of Voronezh // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2017. - No. 1 (9). - pp 16 - 30.
8. Deleuze J., Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia. - Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2008. - 672 p.
9. Mozheiko M.A. The body without organs // The Newest Philosophical Dictionary. - Minsk: Interpresservice; Book House, 2001. - pp 1030 -1032.
10. Certeau M. de. L'invention du quotidien. 1. Arts de faire. - St. Petersburg Publishing house of the European University, 2013. - 332 p.
11. Rappaport A.G. Crossroads and Destiny //Tower and Labyrinth, A.G. Rappaport's blog [Electronic resource]. - Access: http://papardes.blogspot.com/#!/2018/02/blog-post_91.html
12. Kapustin P.V. Landmarks development of architectural education and activities: the major categories / P.V. Kapustin // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE. - № 2 (2). - 2015. - pp 4 - 12.
13. Kapustin P.V. Cultural Identity and the Phenomenon of Alienation of the Urban Environment // Kapustin P.V. Studies on Nature of Designing (monograph). - Voronezh: Voronezh State Un. of ACE, 2009. - pp 157 - 164.
14. Genisaretsky O.I. A Turn in Cultural and Ecological Discourse: from the ecological metaphor of culture to creative anthropology and autopoiesis // Ethnomethodology: problems, approaches, concepts. - Iss. 8. - M., 2001. - Access mode: <http://prometa.ru/olegen/publications/46/print>
15. Kapustin P.V. Mimetic design // Architecture and construction of Russia. - 2017. - No. 4 (224). - pp 114 - 115. - Access mode: <http://www.asrmag.ru/4-2017/Tesaurus-ilovepdf-compressed.pdf>
16. Kapustin P.V., Karmazin Yu.I., Semenova N.V. Crisis of the Paradigm of "Project Activity" and the Future of Architecture // Actual problems of Architecture, Urban Planning and Design: theory, practice, education: materials Intern. sci. Conf. within the framework of the XXVII International Review Competition on Architecture, Design and Art. Volgograd, 23-29. 09. 2018 - Volgograd: Vol SUACE, 2018 (*accepted for publication*).
17. Kapustin P.V. "Anti-Architecture" - Designing - Environment: "Absent" and its reflection // Questions of the theory of architecture. Architecture: modern experience of professional self-reflection. Collection of scientific works and reports at the Ninth and Tenth Ikonnikov Readings / Ed. I.A. Dobritsyna. - M.: LENAND, 2017. - pp. 52 - 57.

18. Kapustin P.V. Function and Power: the formation of functionalism in the political sphere // Architecton: Proceedings of Higher Education. - 2017. - No. 3 (59) [Electronic resource]. - Access mode: http://archvuz.ru/2017_3/2
19. Kapustin P.V., Zadvoryanskaya T.I., Solovets E.V., Kozlov A.G. Tasks and forms of socially-oriented architectural design // Architectural Studies. Science Magazine. - Voronezh: VSTU. - 2017. - No. 2 (10). - pp 40 - 48.
20. Genisaretsky O.I. Imaginary Objectivity and Imaginary Activity: to the Pedagogy of the Imagination // Centaur. - No. 24 (November 2000). - pp 53 - 58.

ENVIRONMENT AND DESIGNING: THE PARADOX OF CATEGORICAL OPPOSITION AS "MISSING KNOWLEDGE" OF THE PROFESSION

P.V. Kapustin, T.I. Zadvoryanskaya

Kapustin P.V., Dept. of Theory and Practice of Architectural Designing, Ph.D in Architecture, Prof., Head of Dept, VSTU, Voronezh, Russia, ph. 8 (4732) 71-54-21, e-mail: arh_project_kaf@vgasu.vrn.ru

Zadvoryanskaya T.I., PhD in architecture, associate professor, VSTU, Voronezh, Russia, ph. 8 (4732) 71-54-21, e-mail: arh_project_kaf@vgasu.vrn.ru

Background. Can meaningful and responsible activity not notice gaps in the field of their own concepts and categories? As the methodological analysis of architectural design shows - maybe, although this position - conscious or unconscious - has its limits. What are these limits? How did it happen that the categories "designing" and "environment", belonging to different intellectual traditions, were combined in the current architecture, design and urbanism? And what is the essence of the indicated opposition, what are the threats from ignoring it? The article attempts to provide answers to these questions.

Results and conclusions. It is shown that, continuing not to notice the opposition between designing and environmental settings, intentions, methods, etc., the profession loses twice: it loses the resources of an acute actual transformation of designing, and passes by new opportunities for environmental action that it has not mastered. The set of concepts and categories related to the discussed problems is analyzed in detail, the principal significance of their investigate for further development of theory, practice and education in architecture is shown.

Keywords: natural, artificial, "centaur-object", urban environment, designing, knowledge, "body without organs", objectification, meanings and values in architecture and environment.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ АНСАМБЛЕЙ ВЫСОКОЙ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ

Ю.С. Макарова, Н.В. Фирсова, Е.М. Чернявская

Макарова Ю.С., магистр по специальности градостроительства, программа «Современные концепции и практика градостроительства», ВГТУ, Воронеж, Россия, тел.: 8 (473) 271-50-04, e-mail: kafgradvgasu@yandex.ru

Фирсова Н.В., д-р геогр. наук, доцент, зав. кафедрой градостроительства, ВГТУ, Воронеж, Россия, тел.: 8 (473) 271-50-04, e-mail: kafgradvgasu@yandex.ru

Чернявская Е.М., канд. архитектуры, профессор, тел.: 8 (473) 271-50-04, e-mail: kafgradvgasu@yandex.ru

Постановка задачи. В данной работе выявлены основные ансамбли Воронежа. Обозначены проблемы сохранения и функциональной востребованности объектов культурного наследия.

Результаты и выводы. Выявлены принципы формирования градостроительных ансамблей, а также существующие антиансамбли города, их основные проблемы.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, ансамбли высокой архитектурно-градостроительной ценности, планировочная городская структура, доминанта, высотки.

Введение

Сложившаяся городская система формировалась на протяжении многовековой истории и представляет собой городское хозяйство, состоящее из зданий разного назначения производственных, административных и жилых зданий, а так же систем жизни обеспечения, транспортных развязок, инженерных коммуникаций, зеленых насаждений и градостроительных ансамблей.

Ансамбль (франц. Ensemble – совокупность, стройное единство), в архитектуре и градостроительстве – система зданий, сооружений и открытых пространств, закономерно организованная и несущая определенное художественно-образное содержание; важную роль в организации ансамбля играет взаимодействие искусственных структур и природного ландшафта (водоемы, рельеф).[1]

В России множество городов с исторической значимостью, с памятниками архитектуры, но с каждым годом историческая ценность городов уменьшается, так как памятников становится все меньше, новое строительство вытесняет их, с годами конструкции слабеют и здания разрушаются и перешедшая к нам от предков уникальная историческая среда исчезает. Именно поэтому нужно уделять особое внимание ансамблям городов.

Архитектурные ансамбли Воронежа

В России есть множество городов с большим историко-культурным потенциалом, Воронеж один из них.

Воронеж основан в 1586 году, поэтому по праву может называться одним из старейших российских городов. Конечно, большинство исторических строений прошедших веков не сохранились до нашего времени: возводимые из дерева, они сгорали в пожарах, которые случались за городскую историю не раз, как и во многих других городах России.

Но городу удалось сохранить часть зданий, которые сегодня находятся под государственной охраной. Правильное формирование ансамблей позволяет сохранять не только здания, но и среду в целом.

Понятие ансамбля как общее для всех искусств – вторично, как особенность архитектуры – первично. Поэтому «во всех искусствах ансамбль как образная структура есть художественная возможность, а в архитектуре – художественная необходимость» [2]. Говоря о формировании архитектурного ансамбля во времени, А.И.Каплун считает, что этот процесс может иметь «консонансное развитие многостилевого целого в ансамбле», а может идти «диссонансно». В современной литературе отмечены два основных критерия архитектурного ансамбля. Во-первых, это комплекс, состоящий из ограниченного числа сооружений, связанных общим пространством и образующим отдельную целостность; во-вторых, понятие «ансамбль» вмещает в себя следующее обязательное содержание – это «обозначение места, обладающего особыми морфологическими чертами, выделяющими его из семиотически родственного окружения» [3].

Эта тема актуальна, так как проблема исчезновения историко-культурных достопримечательностей в городах России особенно популярна в наши дни, есть множество проблем связанных с культурным наследием городов, их охраной.

В ходе исследования были выявлены основные ансамбли города Воронеж:

ЛЕНИНСКИЙ РАЙОН.

- Чижовский плацдарм.
 - Жилой комплекс «Челюскинцев 101».
- #### КОМИНТЕРНОВСКИЙ РАЙОН.
- Военный городок.
 - Застава.
 - Памятник Славы.

СОВЕТСКИЙ РАЙОН.

- Депутатская улица (сквер).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЙОН.

- Адмиралтейская площадь.
- Площадь Ленина.
- Площадь генерала Черняховского.
- Пересечение пр. Революции и ул. Феокистов.
- Центр Галереи Чижова.
- Жилой комплекс «Сердце города».
- Жилой комплекс «Солнечный олимп».
- Пролетарий.
- Советская площадь.
- Каменный мост.
- Памятник советской науке.

Все ансамбли находятся в четырёх районах города Советском, Ленинском, Коминтерновском и преимущественно в Центральном.

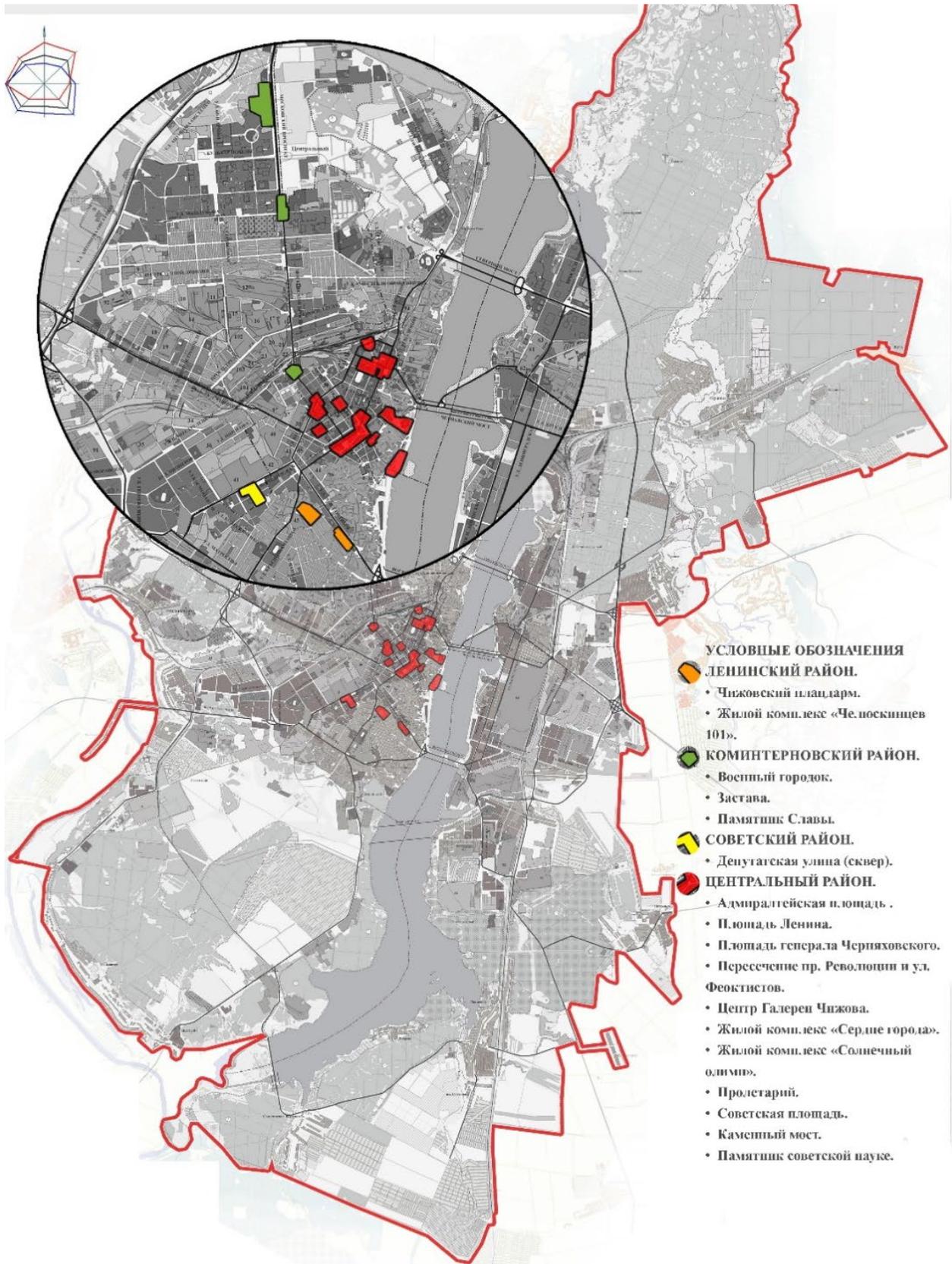

Рис. 1. Схема ансамблей Воронежа относительно районов города

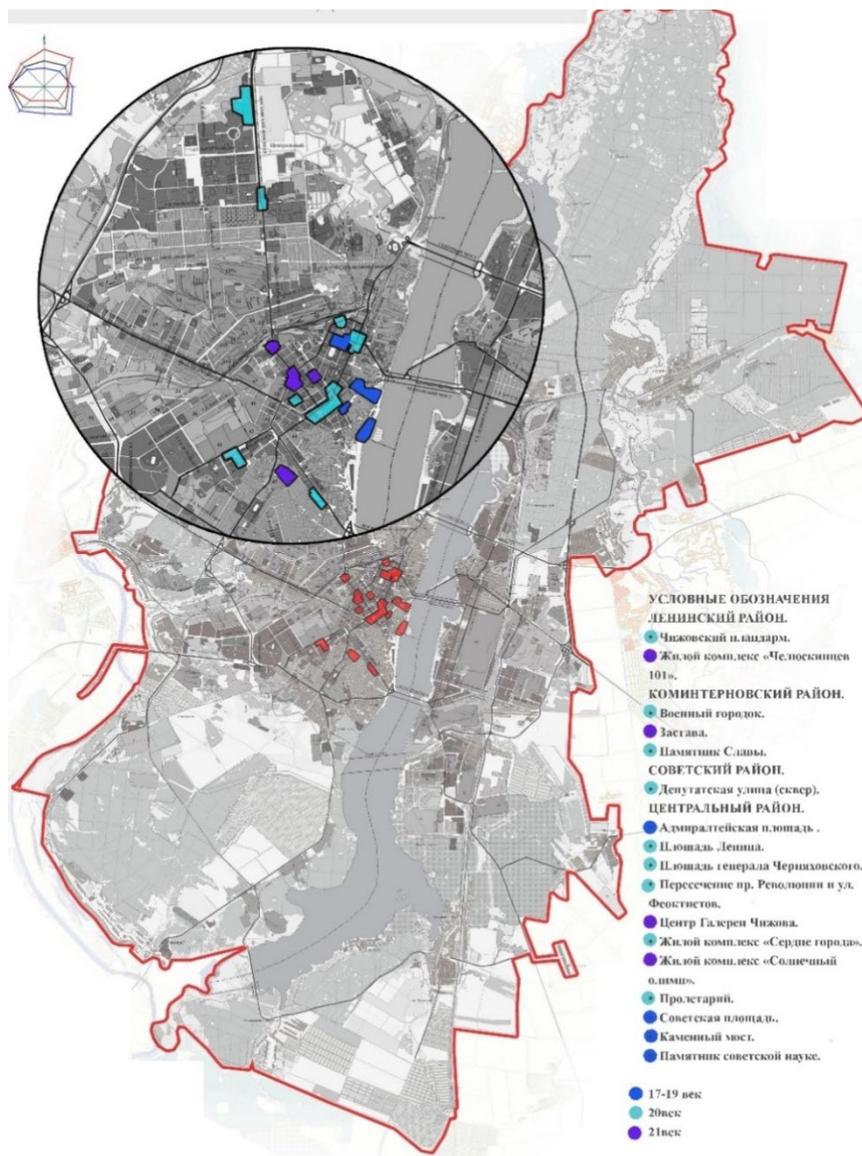

Рис. 2. Схема ансамблей Воронежа относительно даты их создания

В ходе исследования так же были выявлены несформировавшиеся исторические ансамбли:

- Усадьба ветеринара Верёвкина
- Усадьба Герасимова (2 здания)
- Усадьба Ремесленной управы
- Аптечный склад военного ведомства (2 здания)
- Усадьба Елисеева (2 здания)
- Усадьба купца Халтурина
- Ансамбль Покровской церкви
- Комплекс Покровского девичьего монастыря
- Усадьба Троицких, где родился архитектор Троицкий
- Усадьба жилая (дом, флигель)
- Казармы дисциплинарного батальона

- Усадьба Снопова (3 здания)
- Усадьба Вяхирева
- Комплекс двух усадеб Клочковых (7 зданий)
- Комплекс гостиницы "Киевское подворье"
- Усадьба Глущенко

Проблемы существующих ансамблей

Проблемы архитектуры — это прежде всего проблемы формирования среды в которой обитает человек, то есть это проблемы человеческие. Организуя окружение, человек формирует материальный каркас определенной системы отношений между людьми и схемы деятельности в этой системе. Таким образом, создавая свой вещественный мир, человек вместе с тем планирует свою будущую жизнь. И если пространственная структура ансамбля определяется намечаемой структурой деятельности, то его художественный образ отражает черты некой модели человеческой личности, выработанной в данной культуре. [4]

Многоэтажки, соседствующие со старыми низкими зданиями центра города, выглядят чаще всего контрастно, они не дополняют друг друга, а мешают восприятию. Словно две эпохи столкнулись друг с другом на одной улице. Человечество не стоит на месте, и мы не можем строить так, как строили сто лет назад, но и высотки не всегда имеют место быть.. Основная проблема заключается в том, что в Воронеже высотки строят в совершенно не подходящих для этого местах. [5]

К антиансамблям можно отнести: жилой комплекс «Сердце города», отель «Ramada Plaza», т. ц. «Галерея Чижова», отель «Marriott». Жилой комплекс «Сердце города»- это 19-этажное жилое здание, контрастирующее на фоне 3-этажных, 5-этажных зданий. Этот комплекс не гармонично вписывается в окружающую его среду, он не соответствует масштабу своего окружения, так же как и, т. ц. «Галерея Чижова», отель «Marriott», жилой комплекс «Сердце города» и многие другие современные здания в Воронеже и в других городах России.

Проанализировав эти комплексы можно выделить основные типичные ошибки, при которых возникает диссонанс архитектурной среды при строительстве новых зданий в существующей застройке:

- гигантомания, приводящая к нарушению масштабности;
- несоответствие образа новых зданий от образно-содержательного богатства существующей исторически сложившейся архитектурной среды;
- слабое использование координации высот зданий, способствующих единству объемно-пространственной композиции не только внутри ансамбля, но и в силуэте всего города;
- формирование формальной геометрической композиции, не несущей информационной нагрузки, а значит, и художественного образа;
- механический перенос стилевых форм на новое здание без учета его внутреннего содержания и функционального назначения;
- неумение удержать целостность цветового решения;
- часто невыразительная по стилю и образу новая архитектура.

Сохранение исторического наследия в современном городе представляет особую важность. Значительные по площади и по своему положению в общегородской структуре территории лишаются черт индивидуальности, а сохраняемые памятники архитектуры, без соответствующего окружения эстетически обесцениваются, чтобы обеспечить гармонию в городском пространстве нужно придерживаться определённых принципов единства городских ансамблей, я выделила несколько принципов:

- Принцип гармонии форм и объёмов
- Принцип сомасштабности
- Принцип общей стилистики
- Принцип однообразия плотности застройки ,группировки зданий
- Принцип колористической гармонии

Применение всех этих принципов в формировании или реконструкции ансамблей, обеспечит художественно-образное единство ансамблей.

Вывод

Таким образом формирование градостроительных ансамблей высокой архитектурно-градостроительной ценности ,является одной из важных задач современности , время и технологии не стоят на месте ,возникает множество новых проблем и ошибок нарушающих восприятие города, но с помощью соблюдения основных принципов формирования ансамблей можно удачно вписывать новые здания в уже сложившуюся среду и сохранить гармоничный облик города.

Библиографический список.

- 1.Статья из Журнала Митин В.А. Архитектурные ансамбли Воронежа [Текст] / Митин В.А. , Махотин А.А. // Парадный квартал. - 2010. - 12-15 с.
- 2.Каплун А.И. Стиль и архитектура [Текст]: – М.: Стройиздат, 1985. – 232 с.
- 3.Иконников А.В. Историзм в архитектуре [Текст]: – М.: Стройиздат, 1997 – 559 с.
4. Иконников А.В. Архитектурный ансамбль [Текст]: - М.: «Знание», 1979.-61 с.
5. Дёмина В. Топ-10 архитектурных нелепостей Воронежа / Дёмина В. // портал студентов Воронежа- 2015. - (<http://5-sov.ru/blog/kultura/1112.html>).
6. Статья из Журнала Маргушин А. Л. Формирование архитектурного ансамбля в городской среде Екатеринбурга [Текст] / Маргушин А. Л. // Архитектон: известия вузов. - 2004. – 2 с.

Bibliography list.

1. Article from the Journal Mitin VA Architectural ensembles of Voronezh [Text] / Mitin VA , Makhotin AA // The Parade Quarter. - 2010. - 12-15 s.
2. Kaplun A.I. Style and architecture [Text]: - M.: Stroyizdat, 1985. - 232 s.
- 3.Ikonnikov A.V. Historism in architecture [Text]: - M.: Stroiizdat, 1997 - 559 s.
4. Ikonnikov A.V. Architectural ensemble [Text]: - M.: "Knowledge", 1979.-61 s.
5. Demina V. Top 10 architectural absurdities Voronezh / Demina V. // portal of students Voronezh-2015. - (<http://5-sov.ru/blog/kultura/1112.html>).
6. Article from the Journal Margushin AL Formation of an architectural ensemble in the urban environment of Ekaterinburg [Text] / Margushin AL // Architecton: news of universities. - 2004. - 2 s.

FORMATION OF URBAN ENSEMBLES OF HIGH ARCHITECTURAL-TOWN PLANNING VALUES

Yu.S. Makarova, N.V. Firsova, E.M. Chernyavskaya

Makarova Yu.S., Master in Urban Development, Program: Modern Concepts and Practice of Urban Development, VSTU, Voronezh, Russia, ph.: 8 (473) 271-50-04, e-mail: kafgradvgasu@yandex.ru

Firsova N.V., Department of Urban Development, Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor, Head of the Chair, VSTU, Voronezh, Russia, ph.: 8 (473) 271-50-04, e-mail: kafgradvgasu@yandex.ru

Chernyavskaya E.M., candidate of architecture, professor, VSTU, Voronezh, Russia, ph.: 8 (473) 271-50-04, e-mail: kafgradvgasu@yandex.ru

Formulation of the problem. In this paper, the main ensembles of Voronezh are identified. The problems of preservation and functional demand for cultural heritage objects are raised.

Results and conclusions. The principles of the formation of town-planning ensembles, as well as the existing anti-ensembles of the city, are identified as their main problems.

Key words: objects of cultural heritage, ensembles of high architectural and town-planning value, planning structure of the city, dominant, high-rise buildings, buildings.

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРА В Г. ВОРОНЕЖ

Э.И. Щерблыкина-Монастырёва, Н.В. Фирсова

Щерблыкина-Монастырёва Э.И., магистрант по направлению "Современные концепции и практика градостроительства" кафедры градостроительства, ВГТУ, Россия, Воронеж, тел. +7(951)8518111, e-mail: el.stepan@mail.ru
Фирсова Н.В., д-р геогр. наук, канд. архитектуры и градостроительства, профессор кафедры градостроительства, ВГТУ, Россия, Воронеж, e-mail: firsovanv@list.ru

Постановка задачи. В данной статье предлагается рассмотреть образовательный кластер как совокупность учреждений профессионального образования, связанных с группами предприятий, объединенных по отраслевому признаку. Создание образовательного кластера и притяжение их к производству и научной деятельности.

Результаты и выводы. Выявлено, что формирование образовательных кластеров на базе города с развитым инновационным потенциалом позволит существенным образом повысить уровень инновационной активности одной из частей городской среды, что передаст импульс инновационного развития городской среде со средне- и слабо развитым инновационным потенциалом.

Ключевые слова: градостроительство, кластеризация территорий, инновационное развитие, образовательный кластер, технический кластер, гуманитарный кластер, городская среда, экономическое развитие региона.

Введение

С развитием наукоемкого и инновационного производства город Воронеж постепенно превращается в административно-деловой центр. Смысловыми доминантами города становятся административно-офисные кварталы, научные комплексы и институты. Ранее доминирующие промышленные зоны растворяются и подавляются современной застройкой. Использование территорий бывших промышленных зон, а также поиск новых подходов к реновации сегодня, является одним из актуальных мировых трендов, способных вдохнуть новую жизнь в среду города Воронеж.

Основа кластеризации территории – модернизационный процесс, базирующийся на инновациях. В данной статье предлагается рассмотреть образовательный кластер как совокупность учреждений профессионального образования, связанных с группами предприятий, объединенных по отраслевому признаку. Создание образовательного кластера направлено на необходимость объединить на одной территории или функциональной зоне бизнес-проекты, новейшие разработки и современные системы проектирования новых технологий, методик, интеллектуальных продуктов и профессиональную подготовку специалистов, необходимых для реализации этих проектов и разработок. Для инвесторов – заказчика образовательных услуг образовательный кластер является источником комплексного практико-ориентированного знания, позволяющего определить зоны приоритетных инвестиционных вложений.

Исходя из этого, можно сказать, что создание образовательных кластеров чрезвычайно необходимо городу для его экономического и социального развития, а бывшие промышленные территории Воронежа обладают отличным потенциалом для создания и развитие площадки образовательных кластеров.

Образовательный кластер

Образовательный кластер – это собрание взаимосвязанных учреждений профессионального образования различного уровня, интегрированных по отраслевому признаку и связанных партнерскими отношениями с предприятиями отрасли. Принципы действия образовательного кластера – это единый учебный, научный и инновационный процесс во взаимосвязи с экономикой, городской средой и социальной сферой, а так же взаимосвязь образовательных программ различных уровней и организационных, научных, учебно-методических и информационных отношений между всеми субъектами кластера.

Степень развития и значимость источников конкурентных преимуществ определяют стадии развития конкуренции и модели экономического роста государств, регионов и предприятий. Промышленные предприятия создают основу для потребления и увеличения национального богатства, следовательно, в рыночной экономике большое значение играет именно их конкурентоспособность.

Монофункциональные отраслевые учебные комплексы объединяют учебные заведения разных уровней образования и повышения квалификации, но одной отрасли. Их следует подразделять в зависимости от принадлежности кооперируемых учреждений на учебные комплексы ведомств и учебные комплексы крупных предприятий, производственных объединений.

Ведомственные учебные комплексы формируются из учебных заведений, готовящих специалистов одного ведомства для группы предприятий, учреждений определенного региона (области, района, города).

Кооперация учебных заведений на производстве в целях наиболее эффективного использования (во времени) материальной базы может осуществляться по двум основным направлениям.

Во-первых, объединение по принципу наибольшей общности помещений. Так объединяются здания близких по набору помещений учебных заведений, что дает наибольший экономический эффект. Во-вторых, по принципу общего руководства учебными заведениями одного предприятия. Это более доступно в смысле кооперации материальной базы.

Воронеж

Воронеж по праву можно назвать университетским городом. Подготовку специалистов, их переподготовку и повышение квалификации, научно-исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность осуществляет 34 высших учебных заведения, из 14 государственных, в том числе 3 военных вуза. В Воронеже свыше 1400 студентов из стран Африки, Европы и Южной Америки, поэтому город занял место в первой тройке в России, по количеству иностранных учащихся.

Исследуя все вузы города можно разделить их на 5 основных направления.

Технические вузы: в них входят передовые университеты и институты, готовящие инженеров, строителей, техников, механиков, военных, летчиков, технологов и спортсменов.

Гуманитарные вузы в первую очередь представляет государственный университет, представляющий направления филологии, экономики, философии, истории, а также другие университеты обучают специалистов педагогов, юристов, искусствоведов, художников, танцоров и актеров.

Естественно-научное направление представлено в городе специалистами в области экологии, агрономии, ветеринарии и лесной промышленности.

Медицинский вуз в Воронеже один, но играет большую роль для формирования города и готовит врачей всех направлений, а также участвует в космической программе.

Военное направление с каждым годом всё более развивается в городе и стране, формируя крупный комплекс с аэродромами, полигонами и технической базой.

Гуманитарные науки

Специализируются на человеке и его жизнедеятельности в обществе. По объекту, предмету и методологии изучения часто отождествляются или пересекаются с общественными науками, противопоставляясь при этом естественным и абстрактным наукам на основании критериев предмета и метода (рис.1).

Рис. 1. Гуманитарные науки

Воронежский государственный университет – крупнейший вуз Черноземья, существующий с 1918 г. Сейчас в нём обучается 18877 студентов. В состав ВУЗа входят 18 факультетов, филиалы в город Старый Оскол и город Борисоглебск 16 научно-исследовательских лабораторий, 10 учебно-научно-производственных центров, Зональная научная библиотека, содержащая более 3-х миллионов единиц хранения. Действующие в ВГУ образовательные программы высшего профессионального образования охватывают 24 укрупненные группы направлений и специальностей подготовки. Факультеты и кафедры ВУЗа расположены по адресам г. Воронеж, пл. Ленина, 10а, ул. Хользунова, 40, корпус 5, пр. Революции, 24, пл. Ленина, 10, Университетская пл., 1, ул. Студенческая, 3, Московский пр., 88, ул. Хользунова, 40а, пр. Революции, 24.

Воронежский государственный педагогический университет – учебно-научный комплекс в котором обучается 5833 студента. ВУЗ был основан в 1931 г. В структуре университета семь факультетов и 32 кафедры. В учебных целях используются Агро

биостанция, уникальный археологический музей. Университет располагает хорошей фундаментальной библиотекой и осуществляет подготовку специалистов по 15 дисциплинам. Университет располагает пятью учебными корпусами по адресу г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86 и ул. Советская, 6.

Воронежский государственный институт искусств- один из ведущих центров искусства и культуры Центрально-Черноземного региона, обучает студентов с 1971 года. На данный момент в институте обучается 410 студентов. За время существования вуза, в его стенах прошли подготовку около трёх тысяч актёров, музыкантов и художников. Среди выпускников ВГИИ более 200 лауреатов и дипломантов Международных и Всероссийских исполнительских конкурсов. Вуз расположен по адресу г. Воронеж, улица Генерала Лизюкова, 42.

Институт менеджмента, маркетинга и финансов- негосударственный вуз. Основан в 1991 году. Обучает по направлениям менеджмент, торговое дело, экономика, управление персоналом. Располагается институт по адресу ул. Карла Маркса, д. 67. ул. Дружинников, д. 8.

Российская академия правосудия, Центральный филиал основан в 2001 году. Учредитель академии – Верховный Суд Российской Федерации и Высший арбитражный Суд Российской Федерации. Обучает по специальности юриспруденция. Расположен по адресу ул. 20-летия Октября, д. 95.

ВЭПИ – Воронежский экономико-правовой институт создан в результате реорганизации в форме преобразования Муниципального образовательного учреждения «Воронежский экономико-правовой институт. Институт готовит бакалавров по направлениям психологии, экономики, менеджмента и юриспруденция. В вузе на данный момент обучаются 376 студентов. ВЭПИ расположен по адресу г. Воронеж, ул. Ленинский проспект, 119 А и имеет филиалы в г. Орел и г. Липецк.

ВИЭСУ – Воронежский институт экономики и социального управления Филиал РГСУ в Воронеже (Российского государственного социального университета) основан в 1995 г. Институт ведет подготовку 520 студентов на очном и заочном отделениях высшего образования по следующим аккредитованным специальностям и направлениям: менеджмент, государственное и муниципальное управление, психология, политология. Вуз расположен по адресу г. Воронеж, ул. Помяловского, д.27.

Воронежский филиал МГЭИ (Московского гуманитарно-экономического института) Обучает 1530 студентов на факультетах экономики и права. Расположен вуз по адресу г. Воронеж, Московский проспект, д. 26.

В Воронеже многие вузы обучают студентов гуманитарных специальностях. Главный университет Воронежа расположен в ткани города не равномерно и, исходя из анализа, нельзя выявить какую-то закономерность расположения корпусов. В большей своей части они сконцентрированы в центре города и имеют отдельные здания. Это можно объяснить историей их создания, которые формировались в прошлом веке. В большей степени корпуса ориентированы на магистрали городского значения для удобного доступа большого количества людей. Так же нельзя не заметить отсутствие гуманитарных вузов на левом берегу города Воронеж, можно предположить что это связано с низким развитием культуры в Левобережном и Железнодорожном районе, где притяжение культурного и гуманитарного населения являются только районные библиотеки. В отличие от которых Центральный район богат не только библиотеками, но и театрами, концертными залами, выставочными экспозициями, музеями, уличными музыкантами и т.д., что показывает культурную оснащённость района.

Более молодые институты и филиалы не конструктивно расположились в городской среде, что создает некие трудности как для студентов так и для работников вузов. Проблема

в транспортной доступности личного и общественного транспорта создает пробки и не санкционированные парковки, что плохо сказывается на городе в целом.

Выпускники гуманитарных вузов успешно реализовывают себя в профессиональной сфере науки и искусства.

Объединение гуманитарных вузов даст толчок к развитию культуры города.

Технические науки

Технические науки (син. инженерные науки) — науки в области естествознания, изучающие явления, важные для создания и развития техники. Деятельность учёных технических наук осуществляется в рамках научно-технической деятельности и носит преимущественно прикладной характер. Практическая направленность научно-технических исследований противопоставляет их фундаментальной науке. Между прикладными исследованиями и фундаментальной наукой существует неразрывная связь: с одной стороны, результаты фундаментальных исследований являются теоретической основой для проведения прикладных исследований, а с другой стороны, результаты научно-технической деятельности предоставляют свидетельства, которые могут подтверждать или опровергать научные теории, сформулированные учеными-теоретиками. Классическим примером взаимодействия технических и фундаментальных наук является проблема «вечного двигателя», где идея создания технических устройств класса «вечный двигатель» была опровергнута многовековыми неудачными попытками её технической реализации, на основе чего были выведены постулаты фундаментальной науки, делающие бесперспективными дальнейшие научно-технические исследования в этой области и создание вечных двигателей (рис. 2).

Рис. 2. Технические науки

Воронежский государственный технический университет получил статус опорного университета Воронежской области, объединив образовательный, научный, кадрового и материально-технический потенциалы двух ведущих технических вузов региона – Воронежского государственного технического университета и Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.

Сегодня ВГТУ представляет собой современный научно-образовательный, инновационно – технологический центр, обеспечивающий подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов для промышленных и строительных предприятий и организаций региона. Общая численность студентов, обучающихся по очной, очно-заочной (вечерней), заочной формам составляет 20000 человек. В университете обучаются студенты из 57 стран Азии, Африки, Южной Америки, Ближнего Востока и стран СНГ. Корпуса вуза располагаются по адресу ул. 20-летия Октября, д. 84, Московский пр-т, 14, Московский проспект, 179.

МИКТ – Международный институт компьютерных технологий начал работать с 1992 г. Были организованы первые факультеты - факультет информационных систем и экономический факультет. В настоящее время контингент студентов МИКТ составляет около 1,6 тысяч человек. В 2010 году подписан договор с университетом "Аркадия" о совместной российско-американской подготовке специалистов по направлениям – бизнес, управление, компьютерные технологии, психология. Инженерно-технический центр (ИТЦ) института занимается разработкой спецтехнологического оборудования. Создание опытно-экспериментальных моделей ведется в рамках исполнения госконтрактов и прямых договоров с предприятиями радиопромышленности и образовательными учреждениями в строгом соответствии с техническими требованиями заказчиков.

Воронежский филиал МИИТ (Московского государственного университета путей сообщения) филиал РГУПС в г. Воронеж был создан в 2016 года. РГУПС занимает высокое место в рейтинге технических вузов страны. Став лидером среди южно-российских вузов, РГУПС вносит свою весомую лепту в укрепление позиций России на мировом рынке научных и интеллектуальных образовательных услуг, пополняя прогрессивную часть нашего общества профессионалами. РГУПС осуществляет научно-исследовательскую деятельность в соответствии с проводимой в стране инновационной политикой, а также в рамках федеральных, отраслевых и региональных программ. Вуз расположен по адресу г. Воронеж, ул. Урицкого, д. 75а.

Воронежский филиал ГУМФР (Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова) Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова" был образован в 2012 в форме присоединения Федерального бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Государственная морская академия имени адмирала С.О. Макарова" к Федеральному бюджетному образовательному учреждению высшего профессионального образования "Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций". Вуз расположен по адресу г. Воронеж, Ленинский проспект, д. 174л.

Автомобильно транспортный институт располагает уникальной лабораторией криминалистики, автомастерскими, где будущие специалисты приобретают навыки работы с профессиональным оборудованием. Дата основания АНО ВО «АТИ 1997 год. Место нахождения г. Воронеж, Карала Маркса, дом 43; Окружная, дом 1.

Воронеж богат вузами технического направления. Самый крупный из которых Воронежский Государственный технический университет в 2016 году был объединён с одним из старейшим вузов Воронежский архитектурно-строительным, что позволило

привлечь внимание федерации на развитие такого большого опорного вуза. Корпуса расположены по основной городской магистрали начиная от студенческого городка на границе города с севера, и проходя через центр заканчивается на левом берегу. Большие корпуса расположены на периферии города что дает им большую площадку для развития. Другие технические вузы пространственно тяготеют к промышленным зонам города. В большей степени транспортные вузы расположились на левом берегу.

При формировании образовательного кластера стоит учитывать расположение промышленных предприятий необходимый для практической части обучения в вузе. Это может быть как и действующие заводы так и территория заброшенных промышленных зон, таких как Экскаваторный завод, Электроприбо, механический завод, ВАСО и т.д. студенты технического кластера будут без отрыва от учебы применять свои знания на практике, работать в настоящих лабораториях и новейшим оборудованием.

Естественные науки

Естественные науки, *устар.* естественная история, естествознание (от «естество» или природа) — науки, изучающие природу. Естественные науки, как современные научные направления, сформировались в XIX веке, они пришли на смену «естественной истории» и «естествознанию». К естественным наукам относят разделы отвечающие за изучение природных явлений, в отличие от гуманитарных и социальных наук, изучающих человеческое общество (рис. 3).

Рис. 3. Естественные науки

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I Основан в 1912 году первый вуз Центрального Черноземья. Во ВГАУ ведется обучение по 18 направлениям. Учебная и производственные практики студентов проводятся на базе Опытной станции, Ботанического сада, учхоза «Березовское», передовых предприятий. Сегодня на восьми факультетах вуза обучается более 14 000 студентов. Вуз расположен по адресу г.Воронеж, ул. Мичурина,1.

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова (ВГЛТУ) В 1930 году Воронежский сельскохозяйственный институт был разделен на несколько отраслевых институтов и на базе лесного факультета был учрежден Воронежский лесотехнический институт. В университете работают 56 докторов наук, профессоров; 189 кандидатов технических наук. Ведутся исследования по 56 направлениям. Вуз расположен по адресу г.Воронеж, ул. Тимирязева, 8.

Естественные науки в Воронеже представляет только два университета, расположены в рекреационной северной части города. Они имеют хорошую транспортную инфраструктуру и находятся в центральном районе, а так же вузы отделены от города большой лесополосой что хорошо для сельского хозяйственных факультетов, где располагаются научные лаборатории. С развитием города и массовой застройкой жилыми микрорайонами, большую часть земли вузы потеряли и это негативно сказалось на их научной деятельности. При нынешнем росте города сложно найти в центральной части необходимую площадь соответствующую всем требованиям, поэтому предлагается вынести кластер за пределы городской черты. Объединение университетов за городом даст новый толчок развития сельского и лесного хозяйства, что особенно важно для столицы Черноземья. Естественно научные вузы нуждаются большой территории для формирования садопитомников, селекционных полей и научных лабораторий.

Медицинские науки

Медицина (лат. *medicina* от словосочетания *ars medicina* — «лечебное искусство», «искусство исцеления», и имеет тот же корень, что и глагол *medeor*, «исцеляю») — раздел биологии, изучающий диагностику, лечение и профилактику заболеваний, способы сохранения и укрепления здоровья и трудоспособности людей, продления жизни, а также облегчения страданий от физических и психических недугов. При необходимости противопоставления «народной», «нетрадиционной» медицинам и прочим «практикам» уточняют — общепринятая медицина (либо *конвенциональная*, от англ. *conventional* — обычный, традиционный; общепринятый) (рис. 4).

Рис. 4. Медицинские науки

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко является одним из ведущих образовательных и исследовательских учреждений страны, с контингентом обучающихся около 5000 человек. Это один из старейших вузов России. Его история восходит к 1802 году – дате основания Дерптского университета, который в 1918 году переехал в город Воронеж. В 1930 году его медицинский факультет стал самостоятельным медицинским институтом. Университет включен в десятку лучших медицинских вузов России. С момента основания он подготовил свыше 40 тысяч специалистов, включая иностранных специалистов из 56 стран Европы, Азии и Африки. Вуз расположен по адресу г. Воронеж, ул. Студенческая, д. 10.

Исходя из анализа, можно сделать вывод, что кафедры и корпуса медицинского вуза тяготеют к крупным городским больницам с целью организации как можно большей части клинического фонда в непосредственной связи с учебой. Учитывая перспективную направленность развития медицины на предупреждение заболеваемости, выявление ресурсов здоровья человека рекомендуется территориальная, а в отдельных случаях и архитектурно-функциональная кооперация медицинских вузов и медико-фармацевтических институтов с

институтами физической культуры, при этом в городе образуется специализированная зона вузов здравоохранения и физической культуры.

Военные вузы

Военное дело — собирательный военный термин, охватывающий теоретические и практические вопросы, связанные со строительством, подготовкой и действиями вооружённых сил государства в мирное и военное время, а также подготовкой гражданского населения на случай войны. В узком смысле — система специальных знаний, умений и навыков, необходимых военнослужащим и военнообязанным для успешного выполнения своего воинского долга. Для овладения этими знаниями и умениями контингент военнообязанных призывного и допризывного возраста проходит курс военной подготовки. В некоторых других государствах (языках) данный термин часто отсутствует, его заменяют (применяют) иными терминами — военная наука, военные исследования, военные науки и военное искусство и так далее, в военном деле России эти термины имеют своё значение и состав (рис. 5).

Рис. 5. Военное дело

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина образован в 2012 г. путём слияния ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е.Жуковского и Ю.А. Гагарина» и Военного авиационного инженерного университета. В академии обучаются около 15 000 студентов. Образовательную деятельность в составе академии ведут 21 факультет, 89 кафедр, размещенные в Воронеже и филиалах в Челябинске и Сызрани, научно-исследовательские центры и другие структурные подразделения. В Военно-воздушной академии осуществляется обучение офицеров — слушателей оперативно-тактического уровня подготовки (магистратура), а также курсантов — будущих офицеров (специалист). В 2013 г. на базе Военно-воздушной академии создана первая в Вооруженных Силах Российской Федерации научная рота. Вуз расположен по адресу г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54 «А», ул. Маршала Неделина, 133.

Воронежский институт правительственной связи (филиал) Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации обучается около 4 000 студентов. Академия поддерживает и развивает научное и научно-техническое сотрудничество с ведущими научными и образовательными центрами страны. На её базе проводятся всероссийские, ведомственные и региональные научные и научно-практические конференции. Вуз расположен по адресу г. Воронеж, ул. Минская, д. 2.

Воронежский институт Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий основан в 1967 года по адресу Ленинский проспект 124 и Краснознаменная, 231. На данный момент в вузе обучается около 1500 человек.

Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации готовит специалистов для подразделений уголовного розыска, общественной безопасности, дознания, следствия, информационных технологий, связи и защиты информации, специальной связи и информационных центров органов внутренних дел. Обучается в институте около 800 студентов. Вуз расположен по адресу г. Воронеж, пр. Патриотов, 53.

Из анализа следует, что город обладает очень крупными военными вузами, где обучаются около 22 000 студентов. Вузы осуществляют обучение офицеров, а так же на базе Военно-воздушной академии создана первая в Вооруженных Силах Российской Федерации научная рота. В большей степени все вузы располагаются на окраине города и имеют большую территориальную базу для практических и полевых занятий. При объединении их в образовательный кластер увеличится взаимосвязь, улучшится обмен опытом и практических навыков. Необходимо учитывать что вузы имеют разный профиль подготовки специалистов, что определенно должно сказаться на их расположении в городе для качественной отработки практических навыков.

Связь образовательных кластеров с Воронежской агломерацией

Воронежская агломерация — агломерация с численностью населения более 1,3 миллиона человек, крупнейшая в Центральном федеральном округе России после Московской агломерации. Традиционно является межрегиональным центром социально-экономического развития Черноземья.

Численность населения Воронежской агломерации превысила 1 миллион жителей уже по данным переписи населения 1989 года, то есть задолго до того как сам город Воронеж в 2012 году стал городом-миллионером.

На геопортале Воронежской области опубликованы материалы Генерального плана городского округа город Воронеж. Согласно Генеральному плану, помимо городского округа город Воронеж, в состав агломерации включают городской округ

город Нововоронеж и Семилукский, Новоусманский, Каширский, Рамонский и Хохольский, Верхнехавский, Нижнедевицкий муниципальные районы, а также отдельные поселения Острогожского, Панинского и Лискинского районов и др.

В научном и проектном сообществах ведётся дискуссия о перспективах и вариантах дальнейшего градостроительного развития Воронежской агломерации. В частности, выдвинута планировочная гипотеза о приоритетном южном направлении пространственного развития Воронежской городской агломерации по промышленно-урбанизированной оси Воронеж — Нововоронеж — Лиски.

Связь образовательных кластеров с агломерацией

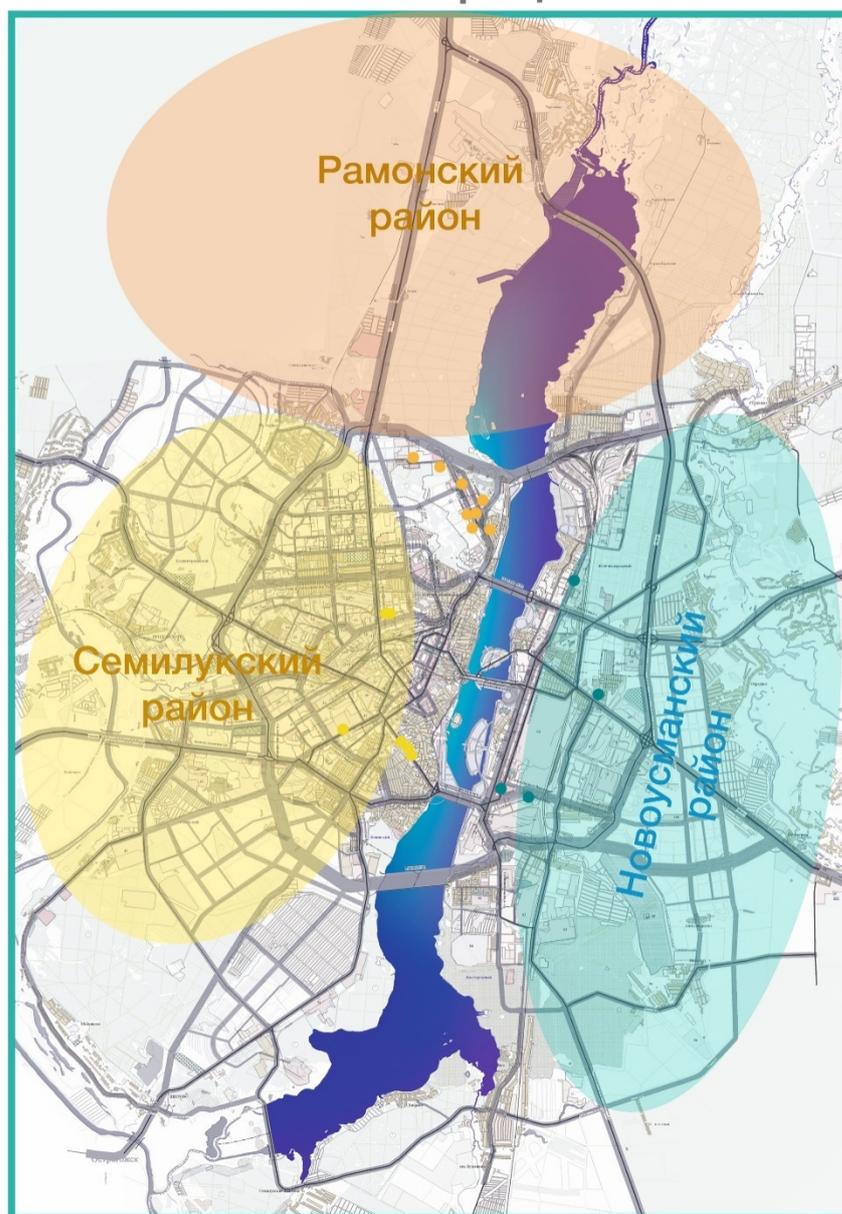

Рис. 6. Связь образовательных кластеров с агломерацией

Воронежскую агломерацию можно рассматривать как и приоритетное развитие образовательных кластеров (рис. 6). Исходя из анализа транспортные вузы в большей

степени расположены на территории левобережного и железнодорожного административного района. Так же с восточной части к городу примыкает Новоусманский район, который имеет мощную транспортную развязку федеральной трассы М4. В железнодорожном районе расположена крупная железнодорожная станция Придача и в левобережном Машмет.

Аграрный и сельскохозяйственный университет, формирующие естественно научный кластер, расположены с северной стороны города, так же как и Рамонский район входящий в воронежскую агломерацию. Рамонь в аграрных науках известна 1922 года по 1929 год опытно-селекционной станцией, которая являлась подразделением кафедры земледелия Воронежского СХИ. В эти годы здесь работал селекционер сахарной свёклы А. Л. Мазлумов. В 1948-49 годах, впервые в мире, на опытно-селекционной станции были получены и размножены первые образцы односемянной сахарной свеклы, что позволило совершить переворот в технологии выращивания сахарной свеклы, теперь при высеве одного семени получали одно растение (ранее из клубочка семян получали 2-3 ростка). Осенью 1959 года опытную станцию посетил с рабочим визитом Хрущёв Н.С.. Задачи были поставлены немалые: стать ведущим селекционным центром по сахарной свекле как в СССР, так и в Европе, собрать в кулак все передовые достижения отечественной селекции, немедленно внедрять в производство передовые высокопродуктивные сорта и гибриды сахарной свеклы. В 1965 году станция получает статус Всесоюзного научно-исследовательского института сахарной свеклы и сахара (ВНИИСС). Это является хорошей предпосылкой для развития Естественно научного кластера.

С западиной стороны города Воронеж примыкает Семелукский район с хорошо развитой промышленностью. С советского времени в городе было налажено производство огнеупорных изделий, стройматериалов, продукции бытовой химии. Помимо ранее существующих производств инвесторы площадок – реализуют научную деятельность по выпуску высокотехнологичных огнеупоров нового поколения. На запад так же ориентированы и строительные и технические вузы что дает предпосылки развития кластера в этом направлении.

Библиографический список

1. Анисцына Н.Н. Инновационный научно-образовательный кластер как способ организации инновационной деятельности в вузе // Креативная экономика. – 2010. – № 4(40). – С. 91-97.
2. Айтуганов И.М., Дьячков Ю.А., Корчагин Е.А., Матухин Е.Л., Сафин Р.С., Сучкова Т.В. Научные основы взаимосвязи профессионального образования и производства: Монография / Под общ. ред. Г.В. Мухаметзяновой. – Казань: КГАСУ, 2009. – 275 с.
3. Мануйлова Е.П. Инновационное развитие региона: формирование региональных образовательных кластеров // Инновации. № 7, 2007. – С. 75.
4. Милькина И.В. Теоретические основы формирования стратегии инновационного развития территорий // Ин- новации, № 10, 2007. – С. 81.
5. Сафин Р.С., Корчагин Е.А., Вильданов И.Э., Абитов Р.Н., Гареев Б.М. Строительный научно-образовательный кластер: опыт, особенности, преимущества // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 1 (25). – С. 176-184.

Bibliography list

1. Anisnitsyn N.N. Innovative scientific and educational cluster as a way of organizing innovation activity in the university // Journal of Creative Economy. - 2010. - No. 4 (40). - P. 91-97.
2. Aytuganov IM, Dyachkov Yu.A., Korchagin EA, Matukhin EL, Safin RS, Suchkova T.V. Scientific foundations of the interrelationship of vocational education and production: Monograph / Under total. Ed. G.V. Mukhametzyanova. - Kazan: KSASU, 2009. - 275 with.
3. Manuylova E.P. Innovative development of the region: the formation of regional educational clusters // Innovation. № 7, 2007. - P. 75.
4. Milkina I.V. Theoretical foundations for the formation of a strategy for innovative development of territories // Innovations, No. 10, 2007. - P. 81.
5. Safin RS, Korchagin EA, Vildanov IE, Abitov RN, Gareyev BM Building scientific-educational cluster: experience, features, advantages // Bulletin of the Samara State Technical University. Ser. Psychological and pedagogical sciences. - 2015. - No. 1 (25). - P. 176-184.

PREREQUISITES OF EDUCATIONAL CLUSTER CREATION IN VORONEZH

E.I. Shcheblykina-Monastiryova, N.V. Firsova

Shcheblykina-Monastireva E.I., master student in the direction "Modern concepts and practice of urban planning" of the Department of Urban Development, VSTU, Russia, Voronezh, tel. +7 (951) 8518111, e-mail: el.stepan@mail.ru
Firsova NV, Doctor of Geographical Sciences, Candidate of Architecture and Urban Development, Professor of the Urban Planning Department, VSTU, Russia, Voronezh, e-mail: firsovanv@list.ru

Statement of the problem. In this article, it is proposed to consider the educational cluster as a set of vocational education institutions associated with groups of enterprises that are grouped by industry. Creation of an educational cluster and their attraction to production and scientific activity.

Results and conclusions. It was revealed that the formation of educational clusters on the basis of a city with a developed innovative potential will significantly increase the level of innovative activity of one of the parts of the urban environment that will impart an impetus to innovative development of the urban environment with a medium - and underdeveloped innovation potential.

Keywords: urban planning, clustering of territories, innovative development, educational cluster, technical cluster, humanitarian cluster, urban environment, economic development of the region.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИРОДНОГО КАРКАСА В ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЕ ГОРОДА ВОРОНЕЖА

М.Ю. Булгакова, Е.М. Чернявская

М.Ю. Булгакова, магистр по специальности современные концепции и практика градостроительства, ВГТУ, Россия, Воронеж, e-mail: kafgradvgasu@yandex.ru

Чернявская Е.М., канд. архитектуры, профессор, ВГТУ, Россия, Воронеж, e-mail: kafgradvgasu@yandex.ru

Постановка задачи. В данной работе произведен ретроспективный анализ формирования планировочной структуры города Воронежа и его ландшафтной среды. Выделены исторические этапы формирования и развития планировочной структуры города. Подняты проблемы недостатка озелененных пространств общего пользования и отсутствия природного каркаса на сегодняшний день.

Результаты и выводы. Рассмотрено текущее состояние озелененных пространств города Воронежа и их рекреационная роль в структуре города. Произведен ретроспективный анализ и выявлены исторически сложившиеся и важные озелененные пространства города. Предложено решение проблем, связанных с недостатком озелененных территорий общего пользования и отсутствием единого природного каркаса города Воронежа.

Ключевые слова: градостроительство, город, природная среда, сохранение природных ландшафтов, ретроспективный анализ, природный каркас.

Введение

Одно из первых мест среди глобальных проблем в современном мире принадлежит урбанизации, поскольку именно в городе концентрируется большая часть мировых проблем и определяются перспективы развития человечества. Активное новое строительство в современных крупных, средних и малых городах привело в большинстве случаев к разрушению исторически сложившихся структур, уничтожению большей части застройки и разорению ландшафтной среды. Это, в свою очередь, повлекло утрату целостности, гармоничности архитектурно-пространственной среды, создало проблему изучения, сохранения и регенерации исторической среды.

В процессе комплексной реконструкции необходим ретроспективный анализ планировочной структуры города в неразрывном единстве с ландшафтом, глобально влияющим на создание единого природного каркаса города. Возникает необходимость на основе исторического опыта найти оптимальный путь развития генплана города.

Как разрешить конфликт между интенсивно растущими урбанизированными территориями и ущемленными ими озелененными пространствами, необходимыми для поддержания равновесия между природой и обществом? Какие проблемы актуальны в наши дни? Проблема изучения и сохранения природных ландшафтов, а также гармонизация взаимосвязи и взаимовлияния естественной и искусственной среды жизнедеятельности давно привлекает внимание градостроительной науки и практики.

Мы часто задаем вопрос, а какими станут города в будущем? Что они будут представлять из себя? Будут ли это сконцентрированные многомиллионные гиганты или системы рассредоточенных небольших поселков? Превратятся ли они в скопления небоскребов или коттеджей, окруженных садами?

Такие же вопросы задавали себе и наши предшественники, пытаясь дать на них наиболее верный ответ. Можно сказать, что развитие теории градостроительства — это поиск ответа, проводимый каждый раз в новых условиях, иным обществом.[1] Но какое бы ни было это время, и где бы мы не находились, градостроительство тесно связано с общими понятиями экологии.

Не так давно масштабы застройки были сопоставимы и даже подчинены природным формам рельефа, но неизбежный рост городов требует максимальных усилий для использования элементов природного комплекса. Уплотнение территории создает новые утрированные формы рельефа, новый вид антропогенного ландшафта. В рамках градостроительной деятельности обнаруживаются непредотвратимые последствия строительного вторжения в природные ландшафты и ограничительные природоохранные мероприятия в таких условиях теряют всякий смысл. Это приводит к ухудшению экологического состояния и эстетической привлекательности городской среды.

Если несколько лет назад негативные последствия захватывали центральную часть города, то сегодня подобное явление наблюдается практически на всей территории. Под застройку отдают резервные территории, в состав которых входят зоны городского озеленения, водоохранные зоны и даже прибрежные защитные полосы водоёмов. Селитебные районы занимают ценные в рекреационном отношении земли, а санитарно-защитные зоны, рассчитанные на более скромные первоначальные размеры расселения, оказываются недостаточными.[2]

Современное состояние и проблемы озеленения г. Воронежа

Городская территория Воронежа составляет 60 тысяч га, из которых 28 тысяч — площадь застроенных земель, а 20 — зеленых зон. Сама же экология оставляет желать лучшего — горожане подтвердят, что воздух не так чист, как хотелось бы. Это не удивительно с таким количеством транспорта и промышленных предприятий. При любой возможности люди уезжают за город на природу или на дачу, чтобы вдохнуть пару глотков свежего воздуха. А зеленые насаждения выступают как своеобразные легкие города, и чем их больше, тем лучше для жителей.

На улицах Воронежа растет немало деревьев и кустарников, составляющих парки, сады, скверы да и просто озелененные островки. Но город-миллионник стремительно застраивается — появляются новые микрорайоны, а деревья со временем стареют, заболевают, погибают из-за летней засухи и от рук самого человека. Это приводит к тому, что сама площадь зеленых массивов сокращается. Большая часть городских зеленых насаждений нуждаются в реконструкции и более тщательном уходе. При этом большая часть территории современного города имеет недостаточное количество зеленых насаждений общего пользования. Выделение территорий зеленых насаждений общего пользования в общей структуре озелененных территорий города, прежде всего, связано с тем, что именно они играют важнейшую роль в обеспечении кратковременного отдыха населения и их наличие необходимо в планировочной организации городских территорий.

В настоящее время общая площадь всех озелененных пространств составляет около 22315 га, в которую входят лесные массивы (лесной фонд 21580 га) и 272 зеленые зоны общего пользования, площадью 873 га. На рис. 1 выделены зеленые насаждения общего пользования, лесные насаждения, набережные, лечебно-оздоровительные учреждения, ООПТ, участки ведения садоводства и водные объекты.

Принятая норма — 10 м² насаждений на человека. Мы до нее немного не дотягиваем. Получается, что на одного жителя города приходится около 8,5 квадратных метра озелененных территорий общего пользования. Но тут есть один нюанс, по утвержденным подсчетам, к зеленым зонам можно прибавлять пригородные лесные массивы. И если посчитать леса в Боровом, Шилово, Масловке и другие, то с ними можно добавить на

каждого человека около 5 квадратных метров. В таком случае, формально по цифрам мы немного даже превышаем норму — $8,5+5 = 13,5$ метра на каждого жителя. Так как лесной фонд не относится к озелененным территориям общего пользования, проблема нехватки насаждений на 1 человека все еще остается актуальной.

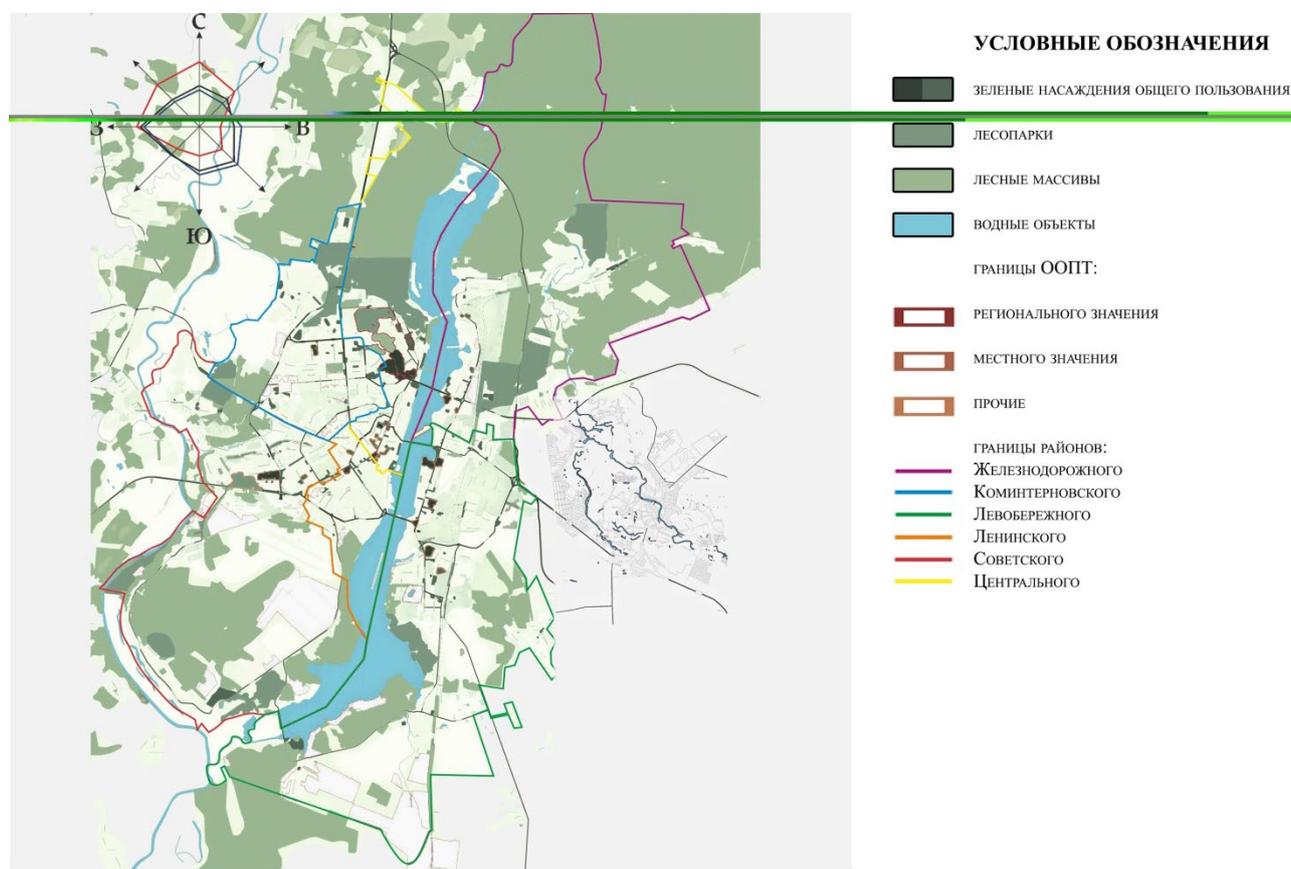

Рис. 1. Существующее озеленение города Воронежа (2018 г.)

Среди городской застройки растительность общего пользования представлена следующими парками и скверами: Центральный парк культуры и отдыха «Динамо», Центральный детский парк «Орлёнок», парк «Алые паруса», парк «Танаис», Парк Авиастроителей, Комсомольский парк, парк «Дельфин», парк «Южный», Кольцовский сквер, Петровский сквер, дендрарий рядом с ВГЛТА и др. Территории, занятые памятниками природы и садово-паркового искусства с особо ценными породами деревьев, относятся к особо охраняемым озеленённым территориям.

В них растут такие деревья, как ясень, сосна, кедр, плакучая ива, клён остролистный, каштан, туя, пихта, дуб, липа, лиственница, ель, тополь пирамидальный, рябина, можжевельник, катальпа. В парках можно встретить деревья, возраст которых составляет более 80 лет.

Первая проблема растительности Воронежа изображена на рис.1, где выделены территории зеленых насаждений общего пользования во всем городе, указаны границы районов для того, чтобы проследить за тем, как внутри них расположены те самые рекреационные участки.

Если внимательно рассмотреть зеленые пятна, то видно, что они расположены не равномерно относительно территорий районов:

1) в Железнодорожном районе проблемой является нехватка около 30 га озелененных насаждений общего пользования, также в оживленной части парков не так много, как хотелось бы и большие неблагоустроенные участки справа;

2) в Коминтерновском районе не хватает около 117 га насаждений общего пользования, а существующие расположены в основном на периферии, отсутствует главное парковое ядро;

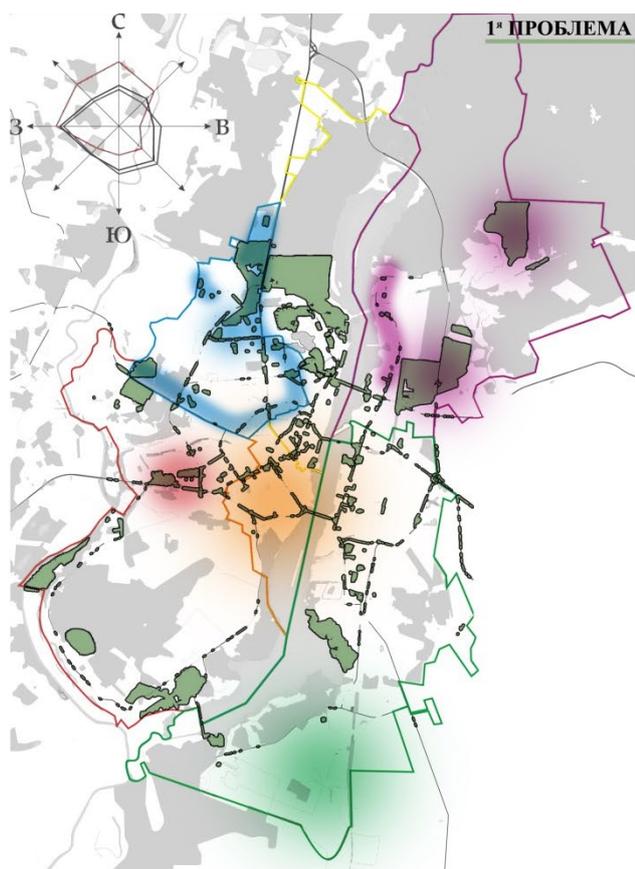
3) Левобережному району не достаёт около 64 га озеленений и не смотря на достаточно обустроенную верхнюю часть района, в южной части совсем пусто;

4) Ленинский район катастрофически страдает от недостатка озеленения общего пользования - 82 га. Даже на схеме видно, что он самый неозелененный район города Воронежа;

5) Советский район не обделен насаждениями общего пользования, да и лесными массивами, но в нем не хватает систематизированного паркового ансамбля;

6) Центральный район богат озелененными территориями общего пользования, даже есть центральное ядро и постоянно ведутся мероприятия по улучшению парков и скверов.

А во-вторых, отсутствует общегородская система зеленых насаждений - природного каркаса Воронежа. На рис. 2 видно, что большие озелененные участки сосредоточены на периферии, что не является само по себе негативным моментом, но то, что у них нет связи с центральной частью района - проблема.

На схеме видно, что зеленые насаждения общего пользования расположены не равномерно относительно территорий районов:

1) в Железнодорожном районе проблемой является нехватка около 30 га озелененных насаждений общего пользования, также в оживленной части парков не так много, как хотелось бы и большие неблагоустроенные участки справа;

2) в Коминтерновском районе не хватает около 117 га насаждений общего пользования, а существующие расположены в основном на периферии, отсутствует главное парковое ядро;

3) Левобережному району не достаёт около 64 га озеленений и не смотря на достаточно обустроенную верхнюю часть района, в южной части совсем пусто;

4) Ленинский район катастрофически страдает от недостатка озеленения общего пользования - 82 га. Даже на схеме видно, что он самый неозелененный район города Воронежа;

5) Советский район не обделен насаждениями общего пользования, да и лесными массивами, но в нем не хватает систематизированного паркового ансамбля;

6) Центральный район богат озелененными территориями общего пользования, даже есть центральное ядро и постоянно ведутся мероприятия по улучшению парков и скверов.

2ª ПРОБЛЕМА

Вторая проблема заключается в отсутствии общегородской системы зеленых насаждений - природного каркаса Воронежа. Ниже на схеме видно, что большие озелененные участки сосредоточены на периферии, что не является негативным моментом, но то, что у них нет связи с центральной частью района - проблема.

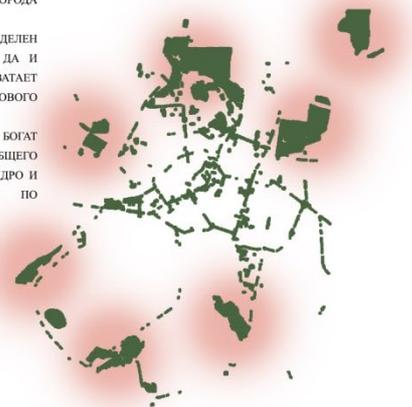

Рис. 2. Проблемы озеленения города Воронежа

Но не понятно, почему за все время своего существования Воронеж все еще живет без природного каркаса? Было ли так всегда? Или на каком-то из этапов развития города этот

этап был упущен? Ответы на эти вопросы найдут себя в ретроспективном анализе, рассмотренном в следующей главе.

Ретроспективный анализ формирования планировочной структуры города и его ландшафтной среды

Воронеж, как и другие города, имеет свою историю развития и ряд проблем градостроительного характера. Особенностью города, как исторически сформировавшегося, является наличие под застройкой мощного культурного слоя, который несет из прошлого в будущее следы всех антропогенных преобразований. Воронежский эколого-исторический район впитал в себя почти все древнеисторические эпохи, которые встречались на территории области (верхнего палеолита, мезолита, неолита, энеолита, бронзового века, раннего железного века, славянского периода и древнерусского времени).[4] Заглянув в прошлое, можно проследить за тем, как планировочная структура взаимодействовала или не взаимодействовала с ландшафтной средой.

Дата официального возникновения города отмечается 1586 годом, когда деревянная крепость была построена на правом берегу реки Воронеж. Но почему Воронеж обосновался именно на этой реке и именно на правом берегу? Ответ кроется в благоприятной территории, богатой природными ресурсами, которая привлекла внимание населения еще с древних поселений, оставивших свои следы на правом берегу реки Воронеж. Главной особенностью физико-географического расположения Воронежа является не только положение города почти на границе степной и лесостепной зон, Среднерусской возвышенности и Окско-Донской низменности, но и тот факт, что на территории города, не считая малых рек и ручьев, происходит слияние трёх крупных рек: Воронежа, Дона и Усмани. [3]

С 17 века началось активное преобразование Черноземья человеком. Площади лесов стали сокращаться, активизировались эрозионные процессы. Разрасталась сеть оврагов, в районах с легкими грунтами усилилась ветровая эрозия. По словам историка Г.М. Веселовского, еще в первой половине XVIII века, город визуально делился на три части: верхнюю (старый город), нижнюю (город петровского времени) и предместье Акатово. Генерального плана города тогда еще составлено не было, но по указанию Петра I в Воронеж уже были привезены растения из Центральной и Западной Европы для создания «государева сада», ныне Ботанического сада. И только потом, под руководством И.Е. Старова в 1774 году, был создан генеральный план города Воронежа, идеей которого являлся трезубец лучевых улиц Версаля.

В дореволюционный период развитие города было связано с бурным ростом промышленного производства. В 1870-90-х годах были проложены железные дороги на Козлов (Мичуринск), Ростов и Курск. Вдоль них формировались складские зоны, производственные комплексы и появлялись одни из первых санитарно-защитных зон. Формирующиеся промышленные зоны играли важную градообразующую роль, ведь при заводах выросли большие рабочие поселки, которые впоследствии превратились в развитые городские жилые районы Воронежа. При Петре I стали осваиваться крупные лесные массивы области для строительства флота. Был проведен учет лесных ресурсов, пригодных для строительства кораблей и организовано их использование. Также, из привезенных Петром I растений, в 1844 году императором Александром II был создан «древесный питомник 3-го разряда» для развития цветоводства, садоводства и огородничества в России. На городских картах 1850 года питомник назывался Ботаническим садом. В дальнейшем, на протяжении 18 и 19 веков площади леса значительно сократились. Лесистость территории уменьшилась в 2 раза.

В ретроспективном анализе Воронежа можно выделить 4 этапа (с 1930-х по 2012), в которых было составлено четыре основных генеральных плана города. Первый из них был выполнен в 1939 году и назывался «Большой Воронеж» (рис. 3). В этом документе была заложена идея преобразования малоэтажного Воронежа в крупный многоэтажный город, решались вопросы размещения промышленности и городского транспорта, предусматривалось создание воронежского водохранилища.

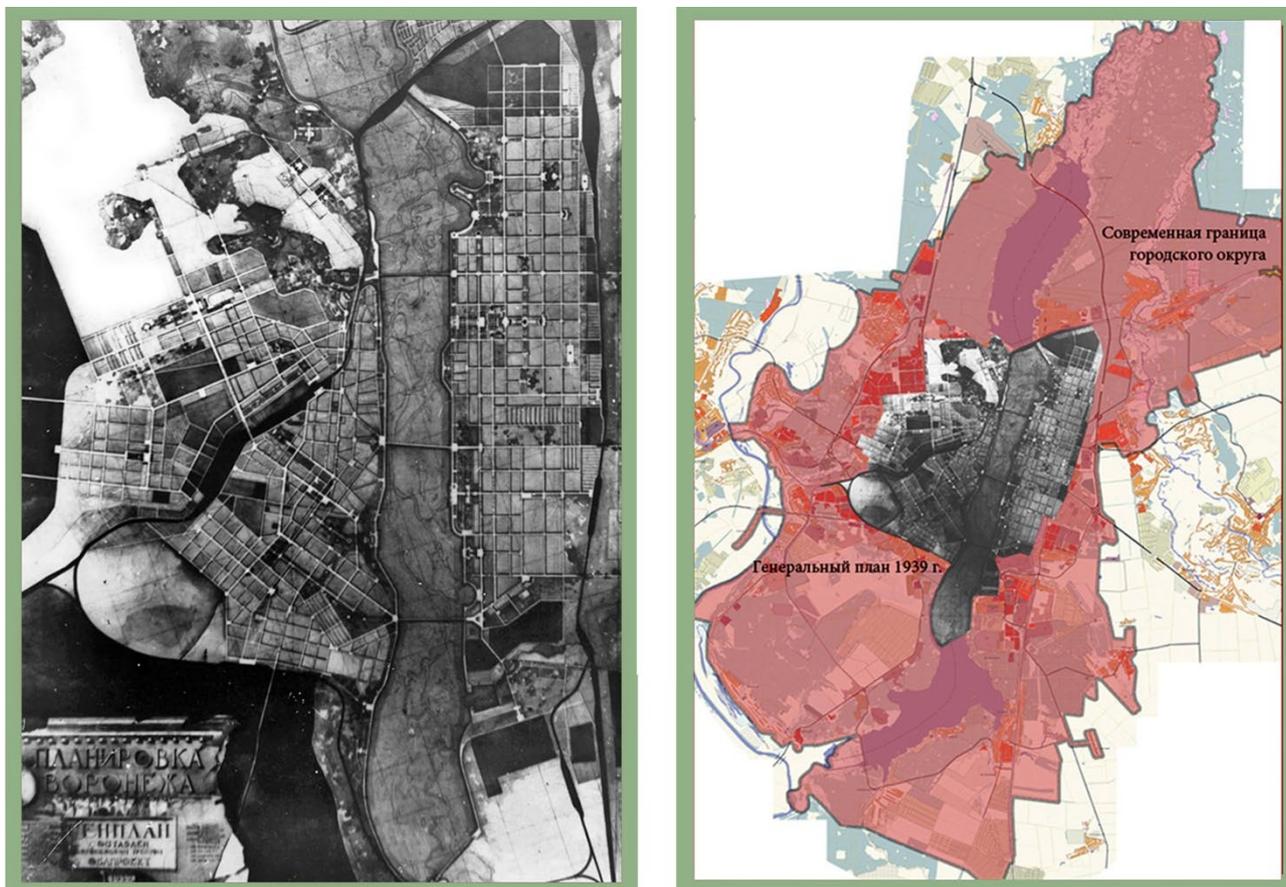

Рис. 3. Генеральный план 1939 г. (рук. П.Н. Косцов, арх. А.И. Попов-Шаман, А.В. Миронов)

Второй генеральный план послужил основой дальнейшего развития и был разработан в 1944 г. академиком архитектуры Л.В. Рудневым и группой воронежских архитекторов. При его реализации в старом городе были проложены новые улицы (ул. Мира и Кардашова), на кадетском плацу разбит детский парк, на улицах Кольцовской, Карла Маркса, Помяловского, Плехановской, 25-го Октября сформированы бульвары. Благодаря зеленым зонам центр города раскрылся в сторону реки. Проект был утверждён только в 1946 году и доработан местными специалистами только в 1952 году. Особенностью этого плана в природном смысле являлось затопление поймы реки Воронеж, поднятие уровня воды и строительство плотины. Город выходил к реке тремя террасами: первая (нижняя) терраса — набережная и густая зелень вдоль реки; вторая (средняя) — склоны холмов, застроенные новыми капитальными зданиями; третья (верхняя терраса) — на которой проектировался бульвар, застраиваемый с одной стороны жилыми и общественными зданиями, обращёнными фасадом к реке. В 20 веке леса продолжали вырубать. Особенно много потерь понесли воронежские леса в годы Первой мировой и Гражданской войны. Много лесов было вырублено и во время Великой Отечественной войны. К 1947 году лесистость Воронежской

области составила 6%. Однако благодаря лесокультурным работам, выполненным на обширных площадях, в 60-е годы Воронежская область имела лесистость 8,4%.

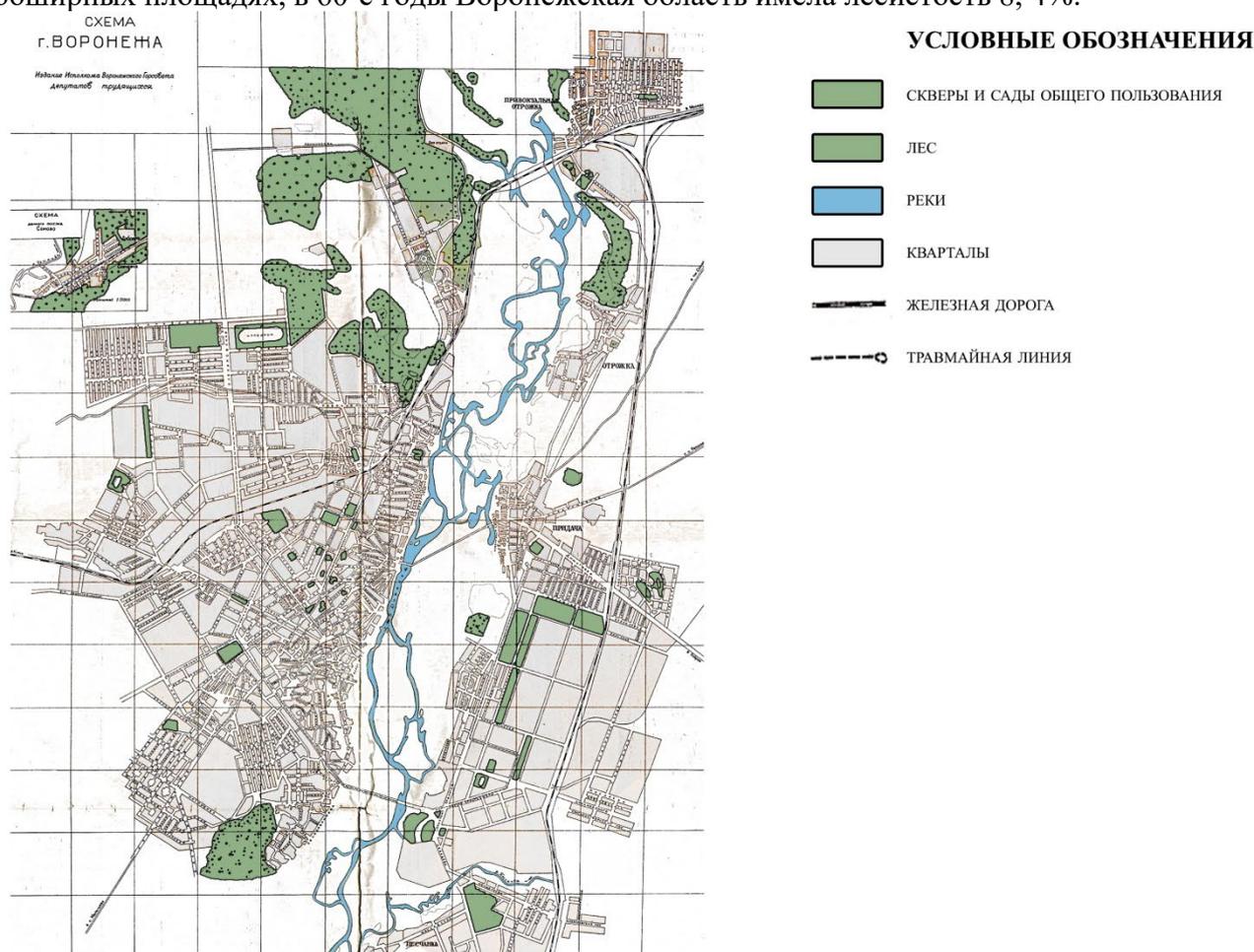

Рис. 4. Город Воронеж в 1950^е годы

На рубеже 1960—1970-х годов главной проблемой в градостроительстве Воронежа был жилой фонд, т.к. население на конец расчётного срока прогнозировалось в количестве одного миллиона человек. Тогда и было решено создать третий генеральный план, над которым работали уже не отдельные персоналии, как было до этого, а целый проектный институт. Основной задачей планировочного решения была не только организация жилой застройки с развитой системой зелёных насаждений (парки, аллеи и бульвары), но и формирование общей структуры города с учётом достижений современного градостроительства (рис. 5). При выполнении этого генерального плана были решены вопросы по созданию озеленённых санитарно-защитных зон между жилыми и промышленными территориями, централизованной системе водоснабжения и канализации, газоснабжению и благоустройству берегов водохранилища.

Последний генеральный план был выполнен «Воронежпроектом» («Воронежгражданпроект») в 2008 году. Долгое время и в Воронеже, и в целом в стране в забвении было градостроительство, в результате чего появилось много не очень удачных решений, связанных именно с градостроительным подходом. Например, далеко не везде удачно вписаны здания в правобережные склоны. У архитекторов города встал вопрос о решении всех возможных накопившихся проблем в новом генеральном плане Воронежа. Приступив к работе, были выявлены две основные задачи: расширение города и одновременное наращивание строительства за счёт внутренних территорий. В погоне за

реконструкцией старого и строительством нового жилья, была упущена комплексная экосистемная оценка состояния внутригородских насаждений. Вследствие чего, территориальная организация и количественные параметры существующих зеленых насаждений не соответствуют понятию единой системы озеленения.

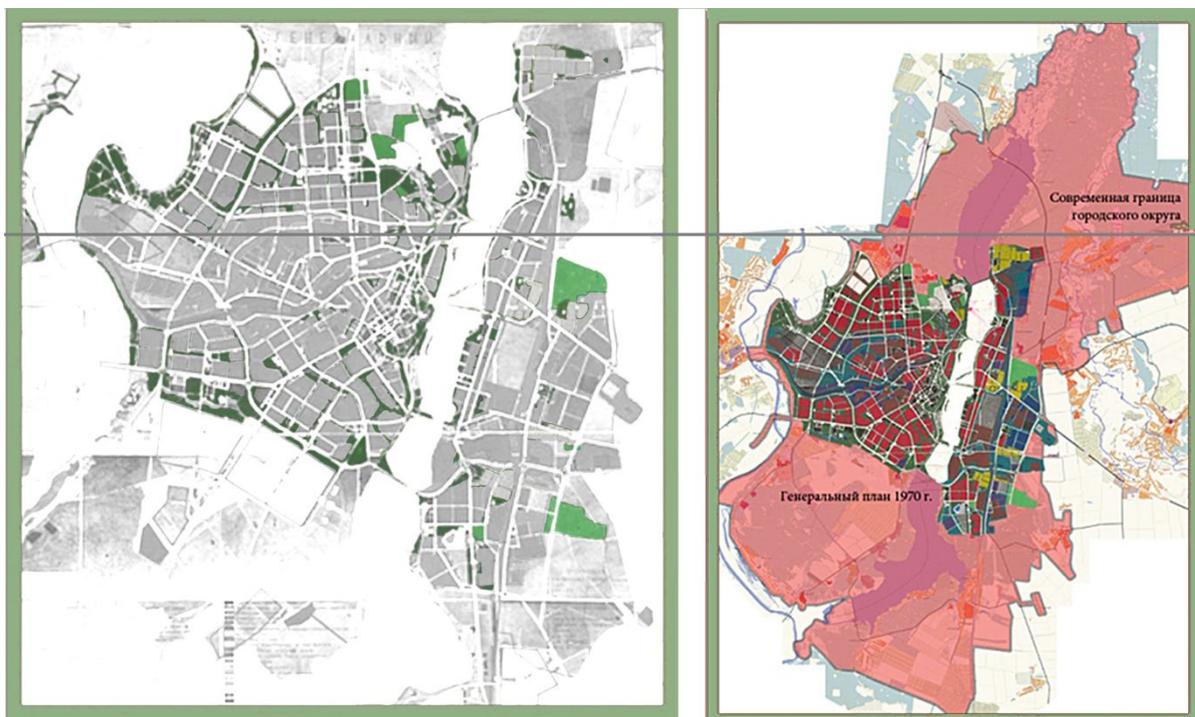

Рис. 5. Генеральный план 1970 г. («Воронежгражданпроект»)

Выводы

Таким образом, изучение и анализ разнообразных картографических материалов позволяет более полно проследить процесс освоения территории города Воронежа. Картографические и текстовые источники несут богатую информацию по истории возникновения и развития города Воронежа, его районов, создания первых объектов озеленения и их комплексов.

В ходе ретроспективного анализа исторических планов были определены основные исторические этапы формирования и развития планировочной структуры города, которые были разбиты на периоды в соответствии с естественной последовательностью в урбанизации природного ландшафта.

На основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы:

1. Природный каркас города Воронежа формировался в течение длительного исторического периода, и это повлияло на расположение различных объектов озеленения в историческом центре города, которые были созданы в XVII-XIX вв. и были подвергнуты многократной реконструкции и благоустройству.
2. Для благоустройства и озеленения усадеб в историческом центре города использовались лучшие образцы столичных городов, Москвы и Санкт-Петербурга.
3. Основой планировочного каркаса города, системы озеленения должны стать реки Воронеж, Дон, Усманка и Воронежское водохранилище. Это позволит усилить защиту водных акваторий и самих зеленых насаждений, повысить рекреационные качества природно-территориальных комплексов.

4. Требуется разработать новые правила несплошных рубок с учетом возраста древостоя. Такая практика позволит решить проблему естественного возобновления главных пород.

Библиографический список

1. Груза Иржи. Теория города. - М.: Стройиздат, 1972. – 249 с.;
2. Лаппо Г.М. Рассказы о городах. - М., 1976. - 220 с.;
3. Негрбов О.П., Жуков Д.М., Фирсова Н.В. Экологические основы оптимизации и управления городской средой. Экология города. Учебн.пособие. – Воронежский ГАСУ. Воронеж, 2000. – 272 с.;
4. Фирсова Н.В. Урбгеосистемы центрально-черноземного региона: природно-ландшафтные особенности, типология, землепользование. – Воронежский ГАСУ. – Воронеж, 2012. - 269 с.;
5. Чопоров О.Н., Львович И.Я., Преображенский А.П. Анализ видового состава растительности города Воронежа и Воронежской области и ее применение как естественного фильтра природы. – ВГТУ. – Воронеж, 2018 – 21 с.

Bibliography list

1. Gruza Irzhi. The theory of the city. - Moscow: Stroyizdat, 1972. - 249 p .;
2. Lappo G.M. Stories about the cities. - M., 1976. - 220 p .;
3. Negrobov OP, Zhukov DM, Firsova N.V. Ecological basis of optimization and management of urban environment. Ecology of the city. Training. - Voronezh State Agricultural Academy. Voronezh, 2000. - 272 p .;
4. Firsova N.V. Urbgeosystems of the central black earth region: natural landscape features, typology, land use. - Voronezh State Agricultural Academy. - Voronezh, 2012. - 269 p .;
5. Choporov O.N., Lvovich I.Ya., Preobrazhensky A.P. Analysis of species composition of vegetation in the city of Voronezh and the Voronezh region and its application as a natural filter of nature. - VSTU. - Voronezh, 2018 - 21 p.

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE FORMATION OF THE NATURAL FRAMEWORK IN THE PLANNING STRUCTURE OF THE CITY OF VORONEZH

M.Yu. Bulgakova, E.M. Chernyavskaya

*Bulgakova M.Yu., Master of Science in Modern Concepts and Practice of Urban Development, e-mail: kafgradvgasu@yandex.ru
Chernyavskaya Ye.M., Department of Urban Development, Cand. arkh prof., VSTU, Voronezh, Russia, e-mail:
kafgradvgasu@yandex.ru*

Formulation of the problem. In this paper, a retrospective analysis of the formation of the planning structure of the city of Voronezh and its landscape environment was made. The historical stages of the formation and development of the planning structure of the city are singled out. The problems of lack of green spaces of common use and lack of a natural framework for today are raised.

Results and conclusions. The current state of the green spaces of the city of Voronezh, their recreational role in the structure of the city, as well as the current state are considered. A retrospective analysis was made and historically formed and important green spaces of the city were identified. The solution of the problems connected with the lack of greened common areas and the absence of a single natural skeleton of the city of Voronezh is proposed.

Key words: town planning, city, natural environment, conservation of natural landscapes, retrospective analysis, natural framework.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЛАНДШАФТ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЛИПЕЦК)

Е.И. Гурьева, В.А. Ульянкина

*Гурьева Е.И., канд. сельскохозяйственных наук, доцент кафедры градостроительства, ВГТУ, Воронеж, Россия,
e-mail: gurjeva_el@mail.ru*

*Ульянкина В.А., магистрант кафедры градостроительства, ВГТУ, Воронеж, Россия, тел. 8 (900) 301-11-19,
e-mail: qooovw@gmail.com*

Постановка задачи. Определение возможного изменения и развития ландшафтов г. Липецка по степени изменения рельефа с 1703 по настоящее время.

Результаты и выводы. Рассмотрены исторические этапы становления города. Исследованы генеральные планы города Липецка. Сформирована хронологическая цепочка событий города.

Ключевые слова: градостроительство, генеральный план, изменение ландшафта, г. Липецк, хронологическая цепочка событий города.

Введение

Разнообразие человеческой деятельности в ландшафтах приводит к их изменению [1]. Модифицированные рельефы, в свою очередь, проявляют противоположное влияние на человека и его хозяйственную деятельность. Результаты взаимодействий для общества могут быть позитивными или негативными. Проведя объективные измерения показателей, оценивающих состояние ландшафта, устанавливают направленность результатов и производят анализ. Отрицательным результатом воздействия человека на ландшафт уделяется главный интерес. В данной статье упор делается на выявлении событий, которые привели к изменению, и оценке интенсивности этих изменений.

Человеческая деятельность привела к появлению в природе не свойственных ей ландшафтов, называемых антропогенными. Ярким примером данного ландшафта, особенностью которого является изменение компонентов в результате техногенной урбанизации природных ландшафтов, является город. Город представляет собой сильноизмененный ландшафт, который подвергся интенсивному воздействию, затронувшему практически все без исключения элементы (растительность, почвы, воды и даже твердые массы твердой земной коры), что повергло к значимому нарушению структуры, зачастую необратимому и неблагоприятному с точки зрения интересов общества [2,3,4].

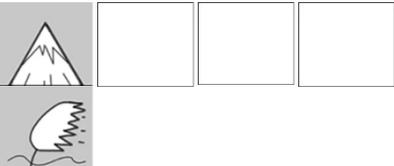
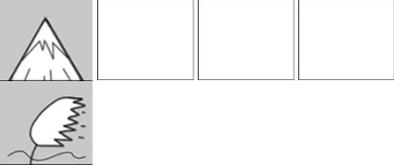
Для того чтобы понять какие именно этапы или события в истории города привели к значительным изменениям в структуре ландшафта можно составить следующую градацию:

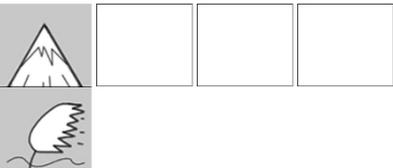
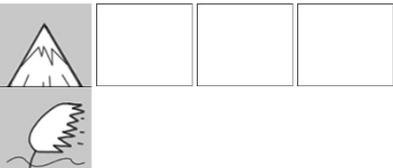
- незначительные изменения (в изменении задействовано 1 или 2 компонента ландшафта)
- заметные изменения (в изменении задействован 3 компонента ландшафта)
- сильные изменения (в изменении задействовано 4 и более компонентов ландшафта)

Рассматриваемый нами период начинает отсчет событий с 1703 года, когда по указу Петра Первого здесь возникли металлургические заводы [6], которые дали жизнь посёлку «Липецкие железные заводы».

Наиболее четко проследить перемены в ландшафте помогает хронологическая цепь событий города (табл. 1).

Таблица 1

Хронологическая цепочка событий города			
Год	Событие	Последствия	Степень изменения ландшафта
1703	Строительство железодельных заводов.	Увеличение территории поселка, занимая при этом территории вблизи реки Воронеж, на Соборной горе и по обе стороны Каменного Лога. Развитие промышленности.	 <p>Сильные изменения в структуре ландшафта.</p>
1779	Поселок по указу Екатерины II преобразуется в город Липецк Тамбовской губернии.	Привлечение новых жителей, соответственно увеличение территории.	 <p>Предполагало незначительные изменения в структуре ландшафта.</p>
1788	Составлен первый генеральный план (не был осуществлен)	Этот план полностью игнорировал существовавшую тогда застройку и рельеф местности.	 <p>Незначительные изменения в структуре ландшафта.</p>
1795	Липецкие заводы пришли в упадок и были закрыты.	Снижению интереса со стороны новых жителей, как месту проживания.	 <p>Незначительные изменения в структуре ландшафта.</p>
1805	Открыт курорт «Минеральные воды».	Привлечение новых жителей, соответственно увеличение территории.	 <p>Заметные изменения в структуре ландшафта.</p>

1805	Разработан новый генеральный план.	Развитие и увеличение территории города. Создание ряда улиц. Формирование «Воронежского сада», Нижнего и Верхнего парка.	 <p>Незначительные изменения в структуре ландшафта.</p>
1805 - 1806	3 крупных пожара.	Увеличение темпа перестройки Липецка.	 <p>Незначительные изменения в структуре ландшафта.</p>
1902	Построен металлургический завод (Свободный сокол)	Возникновение поселка инженерного персонала неподалеку от завода. Увеличение территории города.	 <p>Сильные изменения в структуре ландшафта</p>
1929	Основан станкостроительный завод	Уничтожение «Воронежского сада»	 <p>Сильные изменения в структуре ландшафта</p>
1933	Присоединение к территории города сел Дикое и Большие Студенки	Увеличение территории города	 <p>Незначительные изменения в структуре ландшафта.</p>
1934	Основан Новолипецкий металлургический завод	Возникновение поселка Новолипецк	 <p>Сильные изменения в структуре ландшафта</p>

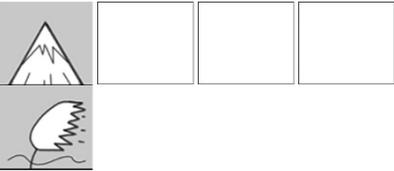
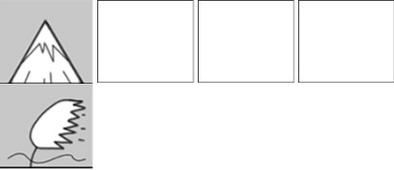
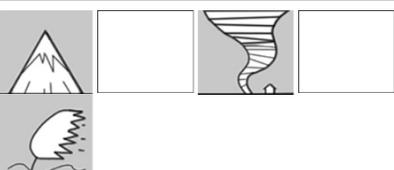
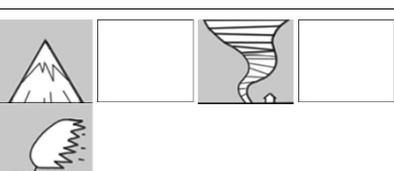
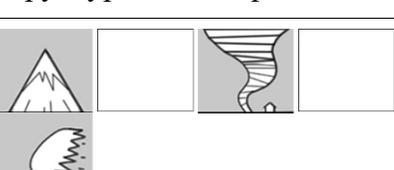
Продолжение табл. 1

Начало 1930	Образование «Овоще совхоза»	Образование поселка «Овоще совхоз»	 <p>Сильные изменения в структуре ландшафта</p>
1937	Силикатный завод	Возникновения поселка при заводе.	 <p>Сильные изменения в структуре ландшафта</p>
1944	Основан тракторный завод	Расширение территории левобережной части города за счет строительства поселка при заводе.	 <p>Сильные изменения в структуре ландшафта</p>
1954	Получением Липецком статуса областного центра.	Увеличение территории города.	 <p>Незначительные изменения в структуре ландшафта.</p>
1960	Утверждение нового генерального плана	Увеличение территории города. Развитие территорий города.	 <p>Заметные изменения в структуре ландшафта.</p>
1961	Застройка северо-западной части города.	Развитие территорий города.	 <p>Сильные изменения в структуре ландшафта</p>

Продолжение табл. 1

1962	Присоединение села Сокольское примыкавшее в городу с северо-восточной стороны	Увеличение территории города.	 	Незначительные изменения в структуре ландшафта.
1965	Присоединение посёлка Заречье близ Тракторного	Увеличение территории города.	 	Незначительные изменения в структуре ландшафта.
1973	Застройка в юго-западном направлении вдоль проспекта Победы.	Развитие территорий города.	 	Заметные изменения в структуре ландшафта.
1969	Строительство октябрьского моста	Соединение юго-западной части города с Тракторным, в состав Липецка были включены село Коровино и часть села Сырского.	 	Сильные изменения в структуре ландшафта
1977	Освоение новых территорий вдоль Елецкого шоссе и строительство комплекса политехнического института	Увеличение территории города. Развитие территорий города.	 	Заметные изменения в структуре ландшафта.
1978	Точечное возведение новых микрорайонов	Развитие территорий города.	 	Заметные изменения в структуре ландшафта.

Продолжение табл. 1

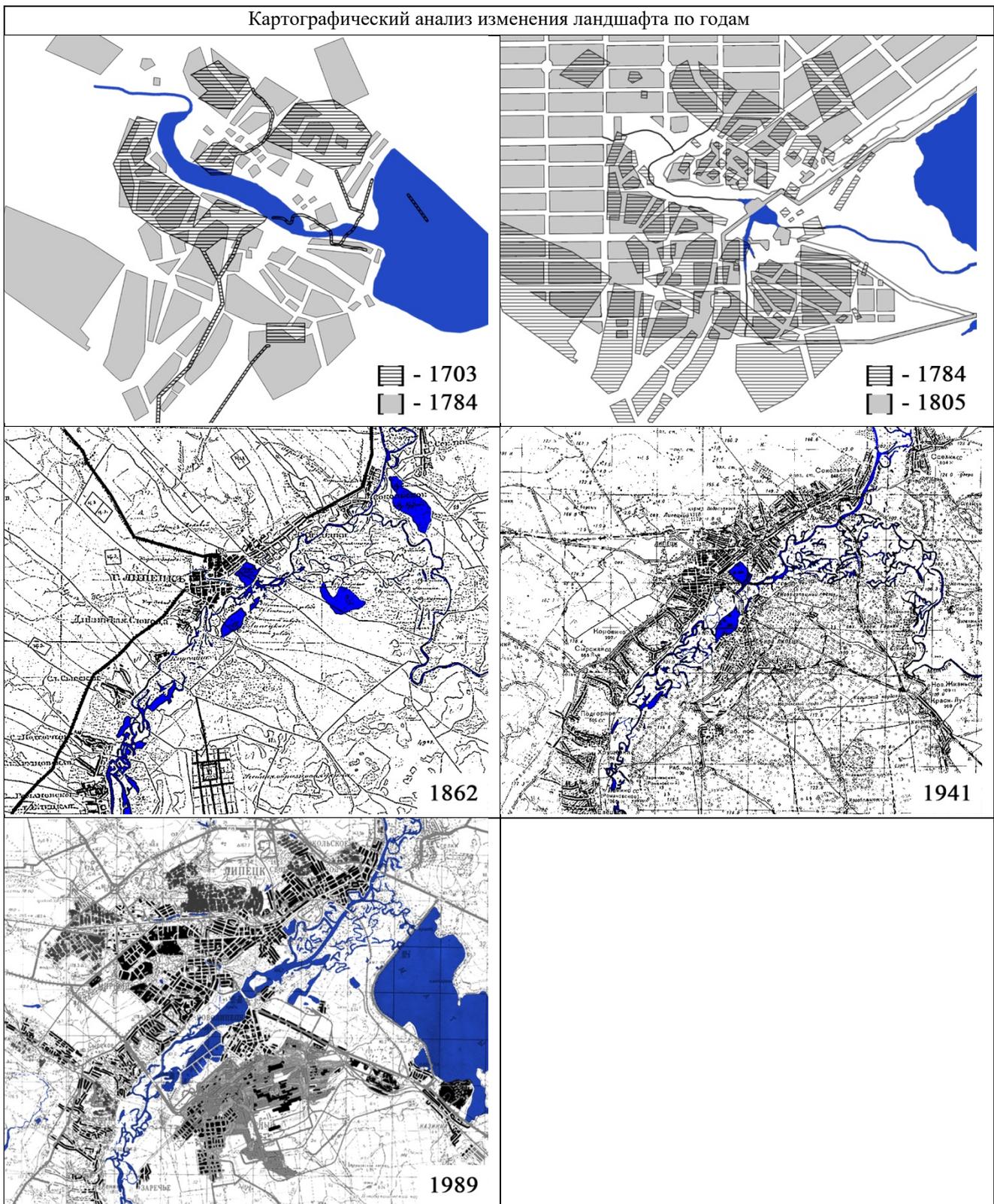
1979	Застройка нового юго-западного жилого массива	Развитие территорий города.	 <p>Заметные изменения в структуре ландшафта.</p>
1984	В состав города вошли села Сселки и Желтые пески	Расширение территории города в северо-восточном направлении	 <p>Незначительные изменения в структуре ландшафта.</p>
1989	Присоединены земли между селом подгорным и рекой Воронеж	Увеличение территории города.	 <p>Незначительные изменения в структуре ландшафта.</p>
1991	Застройка обширных территорий между улицей Катукова и Сырским	Увеличение территории города. Развитие территорий города.	 <p>Заметные изменения в структуре ландшафта.</p>
1996	Утверждение нового генерального плана	Увеличение территории города. Развитие территорий города.	 <p>Предполагал заметные изменения в структуре ландшафта.</p>
2006	Застройка высотными жилыми домами микрорайона университетский	Развитие территорий города.	 <p>Заметные изменения в структуре ландшафта.</p>

2006	Муниципальная реформа	Увеличение территории города в связи с присоединением поселка Венера	
			Незначительные изменения в структуре ландшафта.
2009	Утверждение нового генерального плана.	Увеличение территории города. Развитие территорий города.	
			Заметные изменения в структуре ландшафта.
2016	Утверждение нового генерального плана	Увеличение территории города. Развитие территорий города.	
			Заметные изменения в структуре ландшафта.
Условные обозначения			
	- массы твердой земной коры		- воздушные массы атмосферы
	- массы гидросферы		- растительность и животный мир
			- почва

Исходя из таблицы, можно выделить основные переломные периоды изменения ландшафта (табл.2) [6]:

1. Строительство железодельных заводов – Петровская эпоха.
2. Открытие курорта «Минеральные воды» и деиндустриализация – 1805 г. (спад активного влияния на трансформацию ландшафта)
3. Увеличение промышленных предприятий – с 1902 г.
4. Годы Великой Отечественной войны и конец сталинской эпохи – с 1941 г.
5. Новый строительный бум и увеличение территории города, за счет присоединенных земель между селом подгорным и рекой Воронеж – 1989 г.
6. Развитие территорий города застройкой высотными жилыми домами – с 2001 г.

Картографический анализ изменения ландшафта по годам

Выводы

Проведенные исследования позволяют сделать вывод что, модифицируя и приспособливая к своим потребностям окружающее пространство, человек изменяет не только среду обитания животных и растений, но и структуру ландшафта в целом. Очень важно понимать, что при легкомысленном отношении к процессам проектирования и организации пространства полностью исключается возможность положительного воздействия природы на человека. Однако прежде чем заниматься процессом структурирования и систематизации ландшафта, необходимо тщательное исследование истории становления существующего ландшафта. Это делается с целью выявления исконного природного ландшафта, для того чтобы понять изначальные характеристики ландшафта, при котором он органично сосуществовал.

По результатам проведенного исследования выявлено, что воздействие человеческой деятельности на ландшафт города Липецк характеризуется шестью основными этапами. Каждый из этапов определяется различной степенью изменений и количеством событий, которые на них влияли.

Библиографический список

1. Карандеев, А.Ю. Картирование изменений городских и лесных ландшафтов Липецка на основе историко-географической гис // сборник Ландшафтоведение: теория, методы, ландшафтно-экологическое обеспечение природопользования и устойчивого развития материалы XII Международной ландшафтной конференции: в 3 томах. 2017. С. 195-200.
2. Кругляк, В.В. Методологические основы мониторинга системы озеленения (на примере мегаполиса Воронежа) / В.В. Кругляк, Е.И. Гурьева // сборник Международна научна школа "Парадигма". Лято-2015 сборник научни статии в 8 тома. 2015. С. 70-76.
3. Гурьева, Е.И. Развитие природного комплекса городского округа города Воронежа / Е.И. Гурьева // сборник Проблемы формирования ландшафтной архитектуры урбанизированных территорий Материалы V научно-практической конференции. 2009. С. 47-50.
4. Михно, В.Б. Методика ландшафтно-экологического анализа современного состояния территорий муниципальных образований / В.Б. Михно, А.С. Горбунов, В.Н. Бевз, О.П. Быковская // сборник Современное ландшафтно-экологическое состояние и проблемы оптимизации природной среды регионов материалы XIII Международной ландшафтной конференции, посвященной столетию со дня рождения Ф.Н. Милькова. 2018. С. 66-70.
5. Официальный сайт города Липецка – [Электронный ресурс]- Режим доступа: http://lipetskcity.ru/gorod/o_lipecke
6. Карты города Липецка по годам – [Электронный ресурс]- Режим доступа: <http://www.etomesto.ru/lipeck/>

Bibliographic list

1. Karandeyev, A. Y. Mapping of changes in urban and forest landscapes of Lipetsk on the basis of historical-geographical GIS // collection landscape science: theory, methods, ecological landscape system of natural resource management and sustainable development proceedings of the XII International landscape conference: in 3 volumes. 2017. P. 195-200.
2. Kruglyak, V. V. Methodological bases of monitoring of system of gardening (on an example of the megalopolis of Voronezh) / V. V. Kruglyak, E. I. Gurieva // collection International scientific school "Paradigm". LATO-2015 collection naucni statii in 8 volumes. 2015. P. 70-76.

3. Gurieva, E. I. Development of the natural complex of the urban district of the city of Voronezh / E. I. Gurieva // collection of Problems of formation of landscape architecture of urban areas materials V scientific and practical conference. 2009. P. 47-50.

4. Mikhno V. B. Methodology of landscape-ecological analysis of the current state of municipalities ' territories / V. B. Mikhno, A. Gorbunov, V. N. Bevz, O. P. Bykovskaya // collection of Modern landscape ecological status and problems of optimization of the living environment proceedings of the XIII International landscape conference dedicated to the centenary of the birth of F. N. Milkova. 2018. P. 66-70.

5. Official site of the city of Lipetsk – [Electronic resource]- Mode of access: http://lipetskcit.ru/gorod/o_lipecke

6. Maps of the city of Lipetsk by years - [Electronic resource] - Access mode: <http://www.etomesto.ru/lipeck>

THE IMPACT OF HUMAN ACTIVITIES ON THE LANDSCAPE

(FOR EXAMPLE, LIPETSK)

E.I. Guryeva, V.A. Uliankina

Guryeva E.I., Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of Urban Planning Department, VSTU, Voronezh, Russia, e-mail: gurjeva_el@mail.ru

Uliankina V.A., master's student of the Department of urban planning, VSTU, Voronezh, Russia, tel. 8 (900) 301-11-19, e-mail: qooovw@gmail.com

Statement of the problem. The definition of the possible development of landscapes in the city of Lipetsk on the degree of elevation changes, from 1703 to present

Results and conclusions. The historical stages of the city formation are considered. The master plans of the city of Lipetsk were investigated. The chronological chain of events of the city is formed.

Key words: urban planning, General plan, landscape change, Lipetsk, chronological chain of events of the city.

ПРАВИЛА НАПИСАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Уважаемые авторы, пожалуйста, строго следуйте правилам написания и оформления статей для опубликования в журнале «Архитектурные исследования».

Изложение материала должно быть ясным, логически выстроенным. Обязательными структурными элементами статьи являются Введение (~0,5 страницы) и Выводы (~0,5 страницы), другие логические элементы (пункты и, возможно, подпункты), которые следует выделять в качестве заголовка. Аннотация должна в сжатой форме отражать содержание статьи. Требуемый объем аннотации — не менее 10 и не более 15 строк, набранных шрифтом высотой 9 пт.

1. Статьи представляются в электронном и отпечатанном виде в 2-х экземплярах, один экземпляр должен быть подписан всеми авторами.

2. В одном номере публикуются не более двух статей одного автора. Автор несет ответственность за научное содержание статьи и гарантирует оригинальность представляемого материала.

3. Обязательно указание мест работы всех авторов, их должностей, контактной информации (сведения об авторах приводятся в начале статьи и набираются шрифтом высотой 8 пт.).

4. Объем статьи должен составлять не менее 5 и не более 10 страниц формата А4. Поля слева и справа — по 2 см, снизу и сверху — по 2,5 см.

5. Обязательным элементом статьи является индекс УДК.

6. Сведения об авторах, аннотация, ключевые слова и библиографический список приводятся на русском и на английском языках.

7. Для основного текста используйте шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом. Не используйте какой-либо другой шрифт. Для обеспечения однородности стиля не используйте полужирный шрифт, а также не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца — 1 см.

8. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними после слова "Рис." с порядковым номером (10 пт., полужирный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Все рисунки и фотографии желательно представлять в цветном варианте; они должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

9. Слово "Таблица" с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. Единственная в статье таблица не нумеруется.

10. Используемые в работе термины, единицы измерения и условные обозначения должны быть общепринятыми. Все употребляемые автором обозначения и аббревиатуры должны быть определены при их первом появлении в тексте.

11. Все латинские обозначения набираются курсивом, названия функций (sin, cos, exp) и греческие буквы — обычным (прямым) шрифтом. Все формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType. Пояснения к формулам (экспликация) должны быть набраны в подбор (без использования красной строки).

12. Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в квадратные скобки [1]. Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. Список источников приводится в алфавитном порядке или по порядку их упоминания в тексте.

13. Редакция обеспечивает рецензирование статей. Статья рецензируется не более двух раз, после повторной отрицательной рецензии статья отклоняется.

14. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

15. Для публикации статьи необходимо заполнить и выслать на адрес редакции сопроводительное письмо.

16. Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста рукописи.

17. Редакция поддерживает связь с авторами преимущественно через электронную почту — будьте внимательны, указывая адрес для переписки.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

№ 3 (15)

2018

В авторской редакции

Компьютерная вёрстка: Азизова-Полуэктова А.Н.

Дата выхода в свет: 10.10.2018. Формат 60x84/8. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,3.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

394026 Воронеж, Московский просп., 14

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии Воронежского государственного технического университета

394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84